

ISSN 0132-2036

ЮНОСТЬ

1982

Карен Шахназаров

КУРЬЕР

4

Карен Георгиевич Шахназаров

Курьер

Не так давно я случайно услышал одну любопытную радиопередачу. Корреспондент останавливал на улице прохожих и задавал всем один и тот же вопрос: «Если бы вам пришлось писать мемуары, о чем вы хотели бы в них рассказать?» Ответы, разумеется, были разными. Одни рассказывали целые истории, другие отщипывались анекдотами. Мне больше всего запомнился ответ одного старика. Сперва он сказал: «Мне нечего писать в мемуарах. У меня ничего не было». Корреспондент удивился и не поверил: «Не может быть! Вы человек в возрасте. Наверняка многое видели и сами участвовали во многих исторических событиях. Неужели в вашем прошлом нет ничего, что живо волновало бы вас сейчас!» Старик задумался и сказал: «Знаете, много-много лет назад я был влюблен в девушку. Мне тогда было пятнадцать лет, а ей, кажется, восемнадцать. Мы жили в одном доме и часто встречались в нашем дворе. Я все время хотел заговорить с ней и познакомиться, но никак не решался... А потом она с семьей уехала, и я больше никогда не видел ее. Вот об этой девушке я и вспоминаю теперь больше всего. Об этом, пожалуй, я написал бы. И может быть, добавил бы сюда немного ничего не значащих разговоров с несколькими давно забытыми людьми. Но разве это интересно кому-нибудь!» «Отчего же?! Очень интересно», – сказал корреспондент, но в голосе его пряталось разочарование.

Я проснулся ночью. Лунный свет серебряным столбом пересек комнату от окна до противоположной ему стены, на которой висела большая африканская маска – подарок отца.

Маска была черная, гладко отполированная. Ее глаза были полузакрыты, как у людей, вспоминающих прошлое, а толстые вывороченные губы презрительно улыбались. Я почувствовал, что сегодня мне уже не заснуть. Знаете, случается такое: совершенно нормальный, здоровый человек просыпается среди ночи и до утра не может заснуть. Он не болен, у него нет нервного расстройства. Просто он абсолютно выспался и в дальнейшем сне не видит никакой необходимости. В такие часы чувствуешь себя настолько бодрым, что хочется как-то размяться физически – сделать какое-нибудь дикое сальто или вообще что-нибудь головокружительное. Под кроватью у меня валялся старый футбольный мяч. Я достал его оттуда и принялся «чеканить», то есть подкидывал мяч ногой, стараясь не уронить на пол. Было интересно, но все же чего-то не хватало. Я потихоньку, чтобы не разбудить мать, включил магнитофон. Тогда стало совсем весело. Мик Джаггер надрывал глотку, а я «чеканил» мяч.

Что за чудо, этот мяч,
Норовит пуститься вскачь,
Не проси его, не плачь,
Не лежит на месте мяч.
Как поддашь одной ногой,
Так поймать ногой другой
Очень сложно. Этот мяч
Норовит пуститься вскачь.

Мои родители развелись, когда мне было четырнадцать лет. До этого у нас была, что называется, идеальная семья. Родители – педагоги (отец преподавал химию, мать – историю), работали в одной школе, я там же учился. Не помню, чтобы они когда-нибудь ссорились. Отец называл маму «умнейшей женщиной», она говорила, что он «очень добрый человек». Он был действительно добрым, но – также мамины слова – «немного увлекающимся». Он увлекался футболом, хоккеем, коллекционированием

шариковых ручек, кроссвордами, шахматами, цветоводством, рыболовством и, наконец, увлекся новой учительницей пения, которая пришла в нашу школу сразу после окончания института. Это его последнее увлечение оказалось роковым для нашей «идеальной» семьи. Полгода она еще агонизировала, а потом скончалась. Ее смерть засвидетельствовал нарсуд Дзержинского района. Я отлично запомнил тот роскошный зимний день – падающий пушистыми хлопьями снег и ослепительное солнце. Несмотря на такой подвох со стороны природы, мои родители держались великолепно. Они, конечно, сильно нервничали, но никак не выказывали этого и были настолько корректны и милы друг с другом, что судья сперва решил, будто они ошиблись адресом – расписывали в соседнем доме. Недоразумение было быстро улажено, и потом все пошло как по маслу. Когда бракоразводная процедура закончилась и мы очутились на улице, мама с вежливой улыбкой попрощалась с отцом за руку и объявила, что зайдет в магазин, а потом подождет меня у метро.

– Мне очень жаль, старина, что так получилось, – сказал отец, когда она ушла.

– Никаких проблем, папа, – сказал я.

– Надеюсь, мы будем видеться как можно чаще? – сказал он.

– Разумеется, папа, – сказал я.

Кажется, он был удовлетворен. В этот момент из-за угла появилась та самая учительница пения, благодаря которой и случился весь сыр-бор, и заспешила к отцу. Однако, заметив рядом с ним меня, она остановилась и в смущении отвернула лицо в сторону. Ей было не больше двадцати трех лет, а, покрасневшись от быстрой ходьбы и мороза, она выглядела еще моложе. Высокая, стройная, длинноногая, с мягкими белокурыми волосами и прозрачно-голубыми глазами она мне нравилась, несмотря ни на что. Конечно, обидно было за маму, но я мог понять и отца. Зная, что сделаю ему приятное, я сказал об этом.

– Девочка она, конечно, первоклассная, – кивнул я в сторону «певички».

– Тебе, правда, нравится? – обрадовался он. – Давай познакомлю вас?! – И он, не дожидаясь моего согласия, крикнул: – Наташа, Наташа, иди сюда!

Наташа, конфузясь, подошла. Отец несмело взял ее под локоть и представил меня:

– Мой сын Иван... А это Наташа...

Я улыбнулся и пожал ей руку.

– Очень приятно. Поздравляю, – сказал я. Наташа покраснела и смущенно заулыбалась.

– Спасибо, – пробормотала она. – Федор... – Она осеклась, закусив губу. – То есть ваш папа много рассказывал о вас. Я очень рада...

– Представляю, что он наговорил обо мне, – ухмыльнулся я.

– Все нормально, старина, – в ответ засмеялся отец.

– Берегите его: у него язва, – сказал я девушке.

– Ива-ан! – прогундосил отец.

– Что – Ива-ан?! Что здесь такого? Мама ему настойку из трав делала. Если хотите, я могу потихоньку списать рецепт.

– Спасибо, – с благодарностью произнесла Наташа. – Это было бы великолепно.

Я кивнул.

– Ладно, мне пора, – сказал я отцу. Мы пожали друг другу руки.

– Приходите к нам, Иван, – проговорила Наташа. – Приходите обязательно...

– Непременно, – ответил я и простился с ними. Я действительно приходил к ним потом, правда, не более двух или трех раз, и принес тот рецепт, который обещал Наташе. Однако чаще бывать у них мне было нельзя. Мама, несмотря на внешнее безразличие, очень нервничала первые месяцы после развода и ревниво относилась к моим посещениям отца. Поэтому, посоветовавшись, мы с отцом даже решили вообще не встречаться некоторое время, чтобы дать ей успокоиться. Мне, конечно, было очень жалко маму, и я понимал, как ей нелегко, но в глубине души считал, что она несколько драматизирует ситуацию. К тому же я нечаянно открыл положительную для себя сторону в этой истории. Так как она происходила на глазах всей школы, то педагоги, разумеется, приняли горячее участие в ней. В своей массе они единодушно поддерживали мать (кроме физрука, который решительно встал на сторону отца). Их сочувствие распространилось и на меня, как невинную жертву «злосчастной страсти». В результате полугодие, в котором развернулись эти события, я закончил на одни пятерки.

Однако со временем все стало забываться. Мама постепенно успокоилась, отец с «певичкой» уволились из школы, а потом он вообще уехал в длительную зарубежную командировку – в одну африканскую страну, и в моем дневнике вновь свое достойное место заняли тройки.

Когда спустя два года я окончил школу, у меня не было никаких твердых планов на будущее. Я не чувствовал в себе особой склонности к какому-либо определенному роду деятельности. Правда, то ли в силу наследственности, то ли из-за своего мечтательного характера я неплохо знал историю, особенно древнюю и средних веков. Поэтому мама настояла, чтобы я подал документы в педагогический институт на историческое отделение. Она сказала, что мальчики там в дефиците и у меня хорошие шансы поступить. Меня не очень прельщала перспектива стать учителем истории, но не хотелось ссориться с мамой. Она позвонила какому-то Эдуарду Николаевичу – он в свое время был дружен с моим отцом, а сейчас преподавал в пединституте и являлся членом приемной комиссии. Потом на экзамене я увидел его. Это был маленький лысоватый человек с лицом, которое, должно быть, помнили только его ближайшие родственники. Единственное, что мне бросилось в глаза, – это его галстук. Замечательная вещь, я вам скажу. Наверное, французский или итальянский. Где он его достал и зачем нацепил к своему черному поношенному костюму, мне непонятно. Но галстук был просто выдающийся и настолько выбил меня из колеи, что я никак не мог вспомнить, в каком году крестилась Киевская Русь.

Эдуард Николаевич позвонил маме после экзамена. Мне удалось подслушать их разговор, из которого я понял, что с треском провалился. Эдуард Николаевич сказал, что я способный мальчик, но «слабо подкован по датам». Что верно, то верно – по датам я был подкован слабовато. После этого мать вбежала ко мне в комнату, обняла меня и заплакала. Я стал ее успокаивать, а она грустно смотрела на меня, и слезинки дрожали на ее ресницах. Мне было ужасно жаль ее, и я чуть-чуть сам не ударился в слезы. Но все же сдержался и обещал, что на следующий год обязательно выясню, в каком году крестили Киевскую Русь.

– К тому же, – добавил я, – вспомни Дарвина, как плохо он начал и как хорошо кончил.

В ответ мама погладила меня по голове и сказала:

– Ладно, Дарвин...

В ее глазах погасли звездочки несбывшихся надежд. Она разочаровалась во мне. В школе я учился плохо, но ее поддерживала мысль, что все великие люди в детстве были двоечниками. Теперь же иллюзии развеялись, как куча осенних листьев.

Отцу я написал, что поступил в МГУ на физический факультет, и через неделю получил открытку с

изображением антилопы бубалы.

Отец писал: «Поздравляю, старина! Честно говоря – не ожидал! Помнится, в школе ты не проявлял склонности к точным наукам. Тем более приятно! С нетерпением ждем великих открытий. Папа».

Я положил открытку в ящик стола, где у меня уже был целый зоопарк, и на этом дело о поступлении в институт было закрыто.

Почти два месяца я, как говорится, валял дурака: целыми днями лежал на пляже в Серебряном бору, читал приключенческие романы и до одурения слушал магнитофон. В школе у меня не было близких друзей, а те несколько приятелей, с кем я иногда проводил время, либо поступали в институты, либо уехали отдыхать. Поэтому единственным человеком, с которым я общался в то время, был Коля Базин. Его мать работала медсестрой в районной поликлинике, а отец – разнорабочим в овощном магазине. У Коли было странное выражение лица, особенно когда он улыбался. В детстве он, раздобыв капсюль от стартовика, ударил по нему молотком. Кусочек от разорвавшегося капсюля угодил ему в правый глаз. Спасти его не удалось – глаз вытек; и Коле вставили искусственный. Вообще было почти незаметно, что один глаз у него не настоящий. Только когда Коля улыбался, этот глаз оставался странно-грустным на веселом лице.

Все почтенные мамы считали Колю «шпаной». Но на самом деле он был неплохим парнем. Нас сроднило безделье. Мы играли в карты и иногда ходили на футбол. Коля научил меня играть в «секу» и «буру», а на стадионе мы вместе орали что было сил: «От Москвы до Гималаев король воздуха – Дасаев!»

Прошли август и сентябрь. Утомленное лето гибло в холодных порывах ветра. Осень явилась предательски, как удар в спину, в одну ночь сорвав с деревьев еще не желтые листья; размыла землю потоками дождя и покрасила город в серый цвет. Взглянув утром в окно, люди поразились такому превращению и развели руками: дескать, черт знает что случилось нынче с погодой! Мама в тот день сказала мне:

– Я думаю, Иван, ты уже достаточно отдохнул. Думаю, тебе пора подумать о работе.

Я был готов к подобному разговору, и все же именно в этот день он меня сильно расстроил. Наверное, все дело в погоде. Хотя, если говорить правду, я никогда не испытывал острого влечения к трудовой деятельности. Во всяком случае, я пришел к выводу, что принадлежу к тому типу никчемных людей, которые должны рождаться в семьях миллионеров. Поэтому наиболее подходящим для себя занятием я считал работу грузчика в овощном магазине, куда по протекции своего папаши уже устроился Коля Базин. Меня всегда привлекала та смесь романтизма с реализмом, которые присущи грузчикам овощных магазинов. Однако, поделившись своими мыслями с мамой, я встретил резкое непонимание и узнал, что вообще моя дружба с Колей держит ее в постоянном напряжении.

– Ты начал пить, – сказала она с драматическими интонациями в голосе.

– Что с того, если я раз в неделю выпью кружечку пивка? – возразил я. – Не забывай, что мне не пятнадцать лет.

– Да, ты, конечно, ужасно взрослый, но мне сдается, что ты со своим Базиным пьешь уже не только пиво.

– Оставь Базина в покое. Он прекрасный парень.

– Я не считаю, что он хорошая компания для тебя, – твердо сказала мать. – Что касается работы, то я уже подыскала тебе место.

– Надеюсь, не ниже замминистра торговли? – осведомился я.

– Почти. Курьер в редакции «Вопросов познания».

– С детства мечтал стать шестеркой.

– В таком случае можешь считать, что тебе повезло.

Что я сказал на это? Не помню. Скорее всего, ничего принципиального. Я думаю так, потому что уже на следующий день был зачислен штатным курьером в редакцию научно-популярного журнала «Вопросы познания» и, повстречав после первого трудового дня Колю Базина, сказал ему:

– Привет работникам прилавка от работников средств массовой информации!

Редакция журнала «Вопросы познания» располагалась в небольшом трехэтажном доме в пяти минутах ходьбы от метро «Пролетарская». Первый этаж здания занимала контора Госстраха, второй был жилым, а на третьем и помещалась сама редакция. В моей набитой штампами голове подобные учреждения рисовались как нечто среднее между гостиницей «Интурист» и Большим театром. Поэтому уже внешний вид дома на «Пролетарской» несколько озадачил меня.

Интерьер оказался еще скромнее и представился длинным обшарпанным коридором, застланным вытертой ковровой дорожкой, куда выходили шесть или семь дверей за которыми, очевидно, и решались все важнейшие вопросы познания.

Мое появление вызвало в редакции не меньший переполох, чем прибытие Марко Поло ко двору хана Хубилая. Последний, я, думаю, рассматривал заезжего итальянца с меньшим любопытством, нежели сотрудники журнала, гурьбой высыпавшие в коридор, глазели на меня. Из кабинета, расположенного в самом конце ковровой дорожки, вышел грузный пожилой мужчина в массивных роговых очках и, бесцеремонно, растолкав всех, сказал, уставя палец в мою грудь:

– Это наш новый курьер, товарищи. По протекции Аиды Борисовны. Я тотчас догадался, что речь идет о маминной подруге Крапивиной, и что благодаря ее стараниям я получил эту, судя по всему, весьма престижную должность. Грузный мужчина огляделся, как бы ожидая возражений, но возражений не последовало, напротив, все вдруг разом загалдели:

– О! Да, да! Аида Борисовна! Очень хорошо!

Таким образом, я понял, каким большим авторитетом пользовалась Аида Борисовна в «Вопросах познания» и какое важное место среди прочих занимал в журнале вопрос о назначении нового курьера. – Мирошников, если не ошибаюсь? – обратился ко мне грузный.

– Да, – ответил я.

– А звать как?

– Иван.

По легкому трепету, всколыхнувшему воздух стало ясно, что мое имя произвело на присутствующих сильное впечатление. – Вот! – громко сказал грузный. – Прошу любить и жаловать. Меня зовут Олег Петрович Чащин. Я главный редактор этой организаций и атаман сих сорвиголов. – Он с улыбкой обвел рукой сотрудников, которым, видимо, очень польстило сравнение Олега Петровича, и добавил: – Ну вот, знакомство состоялось. Прошу всех вернуться на свои места.

После этого работники журнала с некоторым сожалением на лицах разошлись по кабинетам, а меня поручили заботам сухопарого пожилого мужчины, заместителя главного редактора, как выяснилось. В своем кабинете Андрей Михайлович (так он представился) вручил мне анкету и чистый лист бумаги для автобиографии, а сам, усевшись за стол, извлек откуда-то снизу увесистый справочник и уткнулся в него носом.

Я присел за другой стол, у окнами решил для начала написать автобиографию. Но дело у меня не пошло. В голове закружилась какая-то блажь, и я никак не мог сосредоточиться. Тут еще за окном заморосил мелкий, скучный дождь, и на подоконник прилетели два воробья. Они сидели, нахохлившись, спрятав клювики в намоченных перьях, и по всему было видно, что настроение у них препаршивое. Я смотрел на воробьев через стекло и постепенно сообщился их грустью. Чтобы вконец не расстроиться, я отвернулся от окна.

Время шло, а дело у меня не двигалось. Я решил подойти к нему с другого конца и взялся было заполнять анкету, но ее простые и ясные вопросы, требующие, казалось бы, совсем небольшого напряжения ума, представились мне вдруг очень сложными и запутанными. Тогда я вернулся к автобиографии и неожиданно написал первую фразу:

«Я родился в провинции Лангедок в 1668-м году».

Немного подумав, я написал еще:

«Мой род, хотя ныне и обедневший, принадлежит к одним из самых славных и древних семейств королевства. Мой отец граф де Бриссак сражался в Голландии в полку г-на Лавала и был ранен копьем при осаде Монферрата, на стенах которого он первым водрузил королевское знамя. До 17 лет я жил в родовом замке, где, благодаря заботам моей матушки баронессы де Монжу, был прилично воспитан и получил изрядное образование. Ныне, расставшись со своими дорогими родителями, дабы послужить отечеству на поле брани, прошу зачислить меня в роту черных гвардейцев его величества».

Сочинив эту галиматью, я принялся за анкету и быстро заполнил ее соответственно своей красочной биографии. Перечитав потом все вместе, я не удержался и так громко рассмеялся, что привлек внимание Андрея Михайловича.

– Ты чего? – спросил он, прервав чтение. – Написал, что ли?

– Ага, – кивнул я в ответ.

– Ну-ка, дай посмотреть.

Андрей Михайлович взял мои документы и долго читал их, шевеля губами, как будто переводил с иностранного языка. Когда он отложил бумаги в сторону, выражение его физиономии ни капли не изменилось, отчего моя собственная улыбка показалась мне такой же глупой, как и вся затея с автобиографией. Андрей Михайлович ничего не сказал, за что я, помнится, был ему чрезвычайно признателен тогда. Он, даже, не вздохнул, не хмыкнул и вообще никак не выказал своего отношения к моим сочинениям. Достав из ящика стола чистые бланки, он передал их мне и вновь углубился в чтение справочника.

Я приступил к исполнению, своих служебных обязанностей. Они были не слишком сложными. Я сортировал и разносил по отделам письма и рукописи, поступавшие в редакцию, ездил с поручениями по городу для чего мне был выдан единый проездной билет, а также выполнял некоторые личные просьбы сотрудников, как-то: бегал через дорогу в ларек за пивом и сигаретами и ходил в магазин, чтобы купить «вкусенького» к чаю.

Моими услугами пользовался весь журнал. Во всех отделах я был, что называется, нарасхват. С утра до вечера в редакции слышалось: «Иван!» «Где Иван?» «Вы не видели курьера? Если он появится, пускай немедленно зайдет к нам!» Я начал чувствовать себя незаменимым. Стал капризничать.

– Ванечка, ты не мог бы съездить на Кутузовский?

– А что там?

– Да вот, статейка тут у нас... Мы автору поправки дали. Надо бы отвезти...

– А что он, сам заехать уже не может? Балуете вы их...

– Да он, понимаешь, пожилой уже... Академик опять же...

– А статейка-то дельная?

– Статейка дельная... Только там кой-какие фактические ошибки имеются.

– Что ж он так? Академик, а материал не проверяет, – ворчал я. – Ну, ладно, съезжу ближе к вечеру...

У меня появились пристрастия. Я, например, недолюбливал отдел «Научный вестник». Им заведовал сухонький старичок по фамилии Емельянов. То ли от старости, то ли от вредности он никак не мог запомнить моего имени и величал меня не иначе, как «быстроногий Меркурий» или «хитроумный Гермес». Мне не нравилось ни первое, ни второе.

Зато я очень симпатизировал отделу информации. Всякую свободную минуту сидел там, пил чай, болтал о том, о сем. Заведовал отделом Степан Афанасьевич Макаров. Он был похож на бутылку шампанского, открытого в Новый год, – такой же шумный и веселый. Знакомясь со мной, Степан Афанасьевич сказал:

– Очень рад, старина...

Услышав слово «старина», я невольно улыбнулся.

– Чего смеешься? – спросил Степан Афанасьевич.

– Да так, – ответил я. – Вы сказали «старина»... Меня так отец называет.

– Все мы в чем-то отцы, – глубокомысленно проговорил Степан Афанасьевич.

– Это конечно, – согласился я. – Только он с нами уже давно не живет.

– Сочувствую, – сказал Степан Афанасьевич.

– Кому? – спросил я. – Ему или нам?

Степан Афанасьевич рассмеялся. Мы понравились друг другу.

Еще один сотрудник отдела – Зиночка Никитина. Она была лет на пять старше меня, миловидна и кокетлива. Прежде всего она оценивающе оглядела меня с ног до головы, потом представилась:

– Зинаида Павловна.

– Иван Пантелеймонович, – представился я в ответ.

Зиночка слегка удивилась.

– Это что же? – спросила она. – Неужели твоего отца зовут Пантелеймон?

– А что здесь такого? – сказал я.

Через неделю я, как и все в редакции, звал ее просто Зиночка, а она меня – Пантелеймоныч. Вообще-то имя моего отца Федор, но Зиночка этого так никогда и не узнала.

Однажды (я проработал уже месяца полтора) Макаров сказал мне:

– Вот тебе рукопись, Иван. Отвези ее профессору Кузнецову. Адрес на конверте.

И вручил мне большой пухлый конверт. Я прочитал адрес и отправился в путь.

Профессор жил на Тверском бульваре. В метро я доехал до Арбатской площади. Здесь мне надо было пересесть на троллейбус. Мимоходом я бросил взгляд в сторону кинотеатра «Художественный». Реклама

предлагала вниманию кинозрителей новый приключенческий фильм. Я взглянул на часы – половина третьего. Поразмыслив недолго и придя, в конце концов, к заключению, что профессор не лишится Нобелевской премии, если получит свою рукопись на два часа позже, я купил билет и зашел в кинотеатр.

Фильм был довольно паршивый, но актриса мне очень понравилась. Такая женщина!.. Потом в троллейбусе я живо представил себе обстоятельства, при которых мог бы познакомиться с ней... Скорее всего это должно было бы произойти где-нибудь на улице. Она могла переехать меня собственным автомобилем или наступить на ногу в метро. И то и другое достаточно веский повод для знакомства...

Короче говоря, я проехал нужную остановку. Пока я возвращался назад, пока бродил по Тверскому в поисках профессорского дома, прошло не менее сорока минут, и только в шесть часов вечера я позвонил в дверь квартиры Кузнецова.

Мне открыли. Я увидел перед собой высокую девушку в джинсах и бежевом свитере. У нее были темные каштановые волосы и красивые карие глаза.

– Вам кого? – спросила она.

– Вас, – ответил я. Девушка удивилась.

– Меня?

– Да. Я учился с вами в первом классе и с тех пор люблю вас.

– В первом классе я училась в Польше, – растерянно пролепетала девушка. – Папа работал там.

– А-а... – Я был разочарован. – Значит, это не вы. Я первый класс закончил в Аргентине.

Девушка надула губы и хотела закрыть дверь.

– А вообще-то я к Семену Петровичу, – поспешно сказал я. – Привез ему рукопись из редакции.

Девушка подозрительно оглядела меня и мою папку, потом крикнула куда-то в глубину необъятной квартиры:

– Папа, папа, тут какой-то сумасшедший мальчик утверждает, что он привез тебе из редакции рукопись!

С минуту ответом ей была гробовая тишина. Потом мощный, густой бас донесся до нас, как будто из глубокого колодца.

– Зови этого проходимца ко мне. Я уже три часа его жду.

– Снимайте ботинки и идите, – сказала девушка.

– Я не проходимец! – крикнул я.

– Нахал! – взревел бас.

– Носки тоже снимать? – спросил я девушку.

– Носки можете оставить.

– Дайте тапочки...

– Натэ...

Я последовал за ней и очутился в большой комнате. За массивным письменным столом, заваленным книгами, бумагами, сидел дородный, средних лет мужчина в просторном красном халате, накинутом поверх спортивного костюма. Лицо у него было волевое и суровое. Я догадался, что это и есть сам профессор Кузнецов.

– Кто это? – сказал он, уставя на меня полный недоумения взгляд.

– Курьер, – ответил я.

– Именно что курьер. Не граф Люксембург, не герцог де Гиз, а курьер! – завопил профессор. – По вашей милости, господин курьер, я потерял три часа драгоценного времени!

– Вот ваша рукопись, – сказал я спокойно, вынимая из папки стопку скрепленных бумаг.

– Катя, – обратился профессор к девушке, – проводи молодого человека до дверей.

Я покачал головой.

– Спасибо, я не тороплюсь. Я, знаете, с удовольствием выпил бы чашку чаю и слопал бутерброд с маслом и сыром.

При этих словах профессор чуть не задохнулся от возмущения. Он побагровел и так надулся, что казалось, сейчас полетит, как шар братьев Монгольфье. Каким-то чудом ему все же удалось остаться на земле.

– Я же говорила, что он сумасшедший, – сказала Катя, пожимая плечами.

– Что здесь сумасшедшего? – удивился я. – Я же не прошу у вас сто рублей взаймы. («И на том спасибо», – проворчал профессор). Человек голоден и просит стакан чаю и кусок хлеба. Что здесь такого?

Мой вопрос явно поставил их в тупик.

– Да, вообще-то... – промямлила Катя и вопросительно взглянула на отца, который уже совсем собрался улететь ввысь.

– Проводи молодого человека на кухню, – сказал профессор, сдержавшись. – И дай ему стакан чаю и бутерброд.

Мы с Катей пошли на кухню. Я сел за стол, накрытый клеенкой с видами столиц мира, а Катя зажгла плиту, наполнила чайник водой и поставила на огонь. После этого она села напротив меня. Мы посмотрели друг другу в глаза, и я улыбнулся, но у Кати лицо оставалось суровым.

– Чего уставилась? – спросил я.

– У тебя действительно не в порядке с мозгами или прикидываешься? – сказала она.

– Да нет, мозги у меня в норме.

– А впечатление такое, что они у тебя совсем не варят...

Чайник вскипел и завизжал, как кошка, которой наступили на хвост. Катя сняла его с плиты, достала из шкафа маленький фарфоровый чайник, бросила в него две ложки чая и залила кипятком. Она вынула из холодильника масло, сыр и колбасу; поставила на стол хлеб и пачку печенья.

– Лимона нет? – поинтересовался я.

Катя вздохнула и полезла в холодильник за лимоном.

Я сделал себе большой бутерброд с маслом и сыром, а сверху еще положил изрядный кусок колбасы. Налил чай в блюдце и долго дул на него, чтобы остыл.

– Тебе в детстве не говорили, что чавкать неприлично? – сказала Катя.

– Говорили.

– А зачем чавкаешь?

– Хочется...

Катя рассмеялась.

– А ты ничего... – сказал я.

– В смысле?

– Ну знаешь, так у тебя все в порядке... и фигура... Ноги там...

– Это – в маму. У нее тоже ноги длинные.

– Интересно было бы посмотреть.

– Она попозже будет.

– Знаешь, – сказал я, – у нас в школе учительница физики была... Такая симпатичная... Знаешь, такая фигура и грудь... В общем, интересная женщина.

– Ну и что? – Катя была заинтригована. Она прикрыла дверь и под села ко мне ближе.

– Да ничего. Один раз она нам фильм показывала... Понимаешь, такой учебный фильм про всякие физические явления. А я сидел один, на задней парте... Она села рядом и... В общем, света не было, а она рядом... Я так разволновался и потихоньку к ней придвинулся...

– А она? – спросила Катя шепотом.

– Она сидит, как будто ничего не происходит. Короче, я ее обнял потихоньку...

– А она?

Я сделал себе новый бутерброд и продолжал беспечно:

– Она ничего. Сидит – смотрит. Ну, потом, после урока, она говорит: «Мирошников, – это моя фамилия, – зайди ко мне после уроков».

– А ты?

– Ну, я и зашел... Она была в лаборантской. Знаешь, колбы там всякие и прочая дребедень... Она меня увидела, и грудь у нее вздымается, как волны на картине Айвазовского «Девятый вал». Я говорю: «Надежда Ивановна, я без ума от вас...» А она: «Мирошников, я – твоя...» И как бросится мне на шею! Ты понимаешь?

– А ты не врешь?

Я увидел, какое уважение засветилось в Катиных глазах.

– С какой стати я буду тебе врать?

– И что же потом было?

Я не предусмотрел возможности подобного вопроса и замялся.

– Да потом она в другую школу перешла, – уклончиво ответил я. – В общем, как-то все на том закончилось.

Катя мечтательно вздохнула.

– Да, – сказала она. – Я тоже была влюблена в одного учителя. Он у нас в десятом классе литературу и русский преподавал. Такой видный мужчина был... с усами...

– Ну и как ты?

– Да никак. Я один раз ему письмо написала, но он не ответил. Ты же понимаешь, я девушка, мне неудобно навязываться...

– Это конечно, – согласился я. Мы замолчали. Мой рассказ явно произвел на Катю неизгладимое впечатление.

– Ты вообще чем занимаешься? – спросил я.

– Учусь в МГУ, – ответила Катя. – На первом курсе.

– Понятно, – сказал я. – Я тоже мог бы сейчас учиться на первом курсе.

– И что же?

Я пожал плечами.

– Да не захотелось. Вступительные я сдал на «отлично», а потом забрал документы. Решил жизненного опыта подкопить, в армии послужить. А то все лезут в эти институты, как кроты в норы...

– Ты молодец, – восхитилась Катя. – Мне тоже не хотелось поступать. Но родители, их ведь не убедишь.

– Родители есть родители.

Я встал.

– Что? Пойдешь? – сказала Катя.

– Да, пора. Я, наверное, завтра опять зайду к вам. За рукописью.

– Заходи.

В прихожей я надел ботинки и куртку.

– С папой я, пожалуй, прощаться не буду, – сказал я.

– Да, не стоит, – согласилась Катя. – Ты его немного вывел из себя.

Я вышел на улицу. Холодный осенний ветер хулиганил здесь: срывал с прохожих шляпы, бился в окна домов, завывал в подворотнях. Надвинув на голову капюшон куртки, я зашагал к метро.

– Как дела? Что нового? – спросила меня мать во время ужина.

– Наполеон Бонапарт родился в одна тысяча семьсот шестьдесят девятом году на острове Корсика, – ответил я.

Так как рот у меня был набит, то получилось нечто невразумительное: «На-он бо-рт ди-у-сь в о-у-а-ка».

Мама вполне удовлетворилась таким ответом. Только сказала:

– Когда ты отучишься говорить с набитым ртом? Как маленький, ей-богу!

После чая мы смотрели телевизор. Я плюхнулся в кресло, а мама села рядом за стол с кипой контрольных работ своих учеников. На кончик носа она водрузила очки, так что поверх них могла изредка бросать взгляд на телеэкран, и стала проверять тетрадки. Иногда она зачитывала оттуда вслух наиболее замечательные перлы. Как всегда, они исходили от некого Степакова, двоечника, сидевшего второй год в седьмом классе.

– Ох, этот Степаков, – сказала мать. – Послушай, Вань: «...Крепостное крестьянство с негодованием встретило сообщение о татаро-монгольском иге...»

Она засмеялась, но я относился к этому пресловутому Степакову со скрытой симпатией и встал на его защиту.

– А что здесь неверно, собственно?

– Ну, что ты прикидываешься! – удивилась мать. – Да ты послушай... – Она еще раз процитировала Степакова.

– Ну и что? – спросил я. – По-твоему, крестьянство должно было радоваться приходу хана Батяя?

– Да нет, – начала злиться мать. – Это же просто безграмотно! Какое «сообщение»? Что за формулировка!

– А что?! Прискакал гонец, собралось это, как его... вече, сделали сообщение о нашествии татаро-монгол, вече это не понравилось, и оно негодовало. Такое могло быть?

– Ты все путаешь, – растерялась мать. – При чем здесь вече, гонец?..

– А при том, что такие, как ты, придираются, а люди потом страдают, – назидательно произнес я и добавил: – И ты еще удивляешься, почему у меня в аттестате пять троек. А вот я смотрю на тебя и не удивляюсь!

Для матери мой аттестат был больным местом. Она нахмурилась и поставила Степакову тройку.

Потом мы отправились спать. И, прежде чем уснуть, я представил себя гладиатором. Окровавленным, в разбитых латах, смертельно уставшим, ибо только что в отчаянной схватке одолел громаднейшего льва. Стоя в центре залитой кровью арены, я внимаю восторженному реву толпы. Лев валяется неподалеку, Колизей неистовствует. Сам великий Цезарь дарует мне свободу. Но даже это меня мало интересует сейчас. В шестом ряду – девушка в бледно-розовой тоге, стянутой серебряным поясом у груди. Она бросает мне цветы. Букет рассыпается в воздухе, и алые лепестки медленно опускаются мне на плечи. Я узнаю гордую патрицианку. Это Катя. Каштановые волосы и карие глаза...

Первым, кого я встретил, когда на следующий день пришел в редакцию, была Зиночка. Она сидела за своим столом, положив ногу на ногу, и красила губы. Они у нее красные, но Зиночка предпочитала синий цвет. Она считала, что женщина с губами, как у мертвеца, должна вызывать у мужчин особое расположение.

– Ты что у Кузнецова вчера натворил, Пантелеймоныч? – спросила она меня.

– А что такое? – поинтересовался я.

– Да вот, позвонил ни свет ни заря и просил прислать за рукописью кого-нибудь другого.

– А ты?

– Я сказала, что больше некому. А он и говорит:

«Очень жаль, что в столь уважаемом учреждении работают такие нахалы, как этот молодой человек».

– А ты?

– Я говорю: «Да он у нас погоды не делает. Он у нас – пойди-подай». – Зиночка облизнула губы и взглянула на меня, явно рассчитывая произвести впечатление.

– Замечательно, – сказал я. – Прямо как у покойника.

Зиночка сморщилась, но не обиделась. Она никогда не обижалась.

– Так что же ты там наделал, Ваня?

– Да ничего. Его дочка втюрилась в меня по уши, вот он и опасается.

– Bravo, Ваня. Ты, я вижу, свое дело знаешь, Кузнецов – сильный человек.

Я усмехнулся: дескать, красиво жить не запретишь, – и уселся в кресло-развалюху, стоявшее подле Зиночкиного стола. Меня одолевала дремота. Я уже было клюнул носом, но тут появился Макаров. Вид у

него был неважный. Лицо опухшее, глаза стеклянные. Он кивнул Зиночке и поздоровался со мной за руку. Потом сел за свой стол и тяжело вздохнул.

– Ты на Цветной съездил? – спросил он меня,

– Нет.

– А чего сидишь? Двигай на Цветной. Привезешь фотографии, а потом к Кузнецову за рукописью. Ее сегодня в набор сдавать. – Он опять вздохнул и ослабил узел галстука. – Что-то душно у нас. Нет? – Макаров вопросительно и печально посмотрел на Зиночку.

– Открой форточку, Иван, – сказала Зиночка. – Степану Афанасьевичу душно.

Я полез открывать форточку, но, вдруг потеряв равновесие, сорвался с подоконника и полетел на пол. Плечами я ударился о дверцу шкафа, стоявшего рядом с окном. Одна створка распахнулась, и на мою голову посыпались папки с бумагами, журналы, книги, справочники и в заключение увесистый дырокол, угодивший мне в самое темечко. Степан Афанасьевич при этом скривил лицо так, будто ему, а не мне попали дыроколом по голове. Он побледнел и как пуля вылетел из комнаты.

– Заставь дурака богу молиться – весь лоб расшибет, – сказала Зиночка.

Я ничего не ответил. Поднялся, отряхнулся и стал собирать бумаги и запихивать их обратно в шкаф.

– Клади по порядку, – сказала Зиночка.

Я сложил на правой руке фигу и молча показал ей. Минут через десять вернулся Макаров. Он посвежел и, видимо, чувствовал себя значительно лучше.

– Уф! – сказал он. – Ну, Иван! Ну, Иван!

– Открывать форточку? – спросил я.

– Да нет, и так полегчало. Не ушибся?

– А как вы думаете? Если дыроколом по башке? Это как – приятно?

– Дырокол? Кто же его туда засунул? Я его третью неделю ищу! Давай-ка сюда.

Я подал ему дырокол. Степан Афанасьевич повертел его в руках, хмыкнул.

– Да, – решил он. – Такой штукой по голове – это не шутка. Можно до крови разбить.

– Конечно, – согласился я. – Если бы он с большой высоты падал – наверняка до крови.

– А может, и не до крови, – сказала Зиночка.

– Как не до крови?! – возмутился Степан Афанасьевич. – Таким дыроколом убить можно.

– Вот это вряд ли, – засомневался я.

– Да ты подумай! Если им со всей силы и по башке! А? – Степан Афанасьевич замахнулся рукой, изображая, как можно убить дыроколом.

– Дайте мне посмотреть, – попросила Зиночка.

Ей дали. Она оценивающе взвесила дырокол, покачала головой и сказала: – Если со всей силы, то убьешь.

– Вот видишь, – проговорил удовлетворенно Степан Афанасьевич.

Тут зазвонил телефон. Макаров поднял трубку.

– Да?.. Здравствуйте, Олег Петрович!.. Шум? Да это у нас тут курьер новенький с окна свалился... И знаете,

что любопытно, ему дырокол на голову упал... Нет, не такой, как у вас. У вас маленький, а это, знаете, такой тяжеленный дыроколище... Нет, ни единой царапины... Ага, сейчас зайду... Ладушки. – Он положил трубку, забрал дырокол и направился к двери. – Шеф вызывает. Зина, дай-ка мне заодно характеристику Ованесова. Пускай подпишет.

Зина подала ему папку с бумагами. Степан Афанасьевич быстро просмотрел, их, кивнул головой и обратился ко мне:

– Вань, двигай на Цветной. Адрес у Григорьева возьми, а потом, значит, к Кузнецову.

Дверь открыла высокая полная женщина с приятным лицом. Я догадался, что это Катина мама. Увидев меня, она загадочно улыбнулась. Вероятно, мое поведение вчера послужило предметом долгого обсуждения в семье Кузнецова.

– Проходите, проходите, – сказала она гостеприимно.

– Я только за рукописью, – стал отнекиваться я.

– Вы как раз вовремя. Мы обедаем, – продолжала женщина, не слушая меня.

– Спасибо, я сыт.

– Все равно я не отпущу вас, не накормив хорошенько, – засмеялась она.

Пришлось войти. Я разделся в прихожей, после чего меня повели на кухню. Здесь собралась вся семья. За столом сидели: сам Кузнецов, Катя и еще старуха в золотом пенсне – видимо, бабка. Мое появление встретили весьма доброжелательно.

– Садись, – прогудел профессор.

Его жена поставила передо мной тарелку с супом и тоже села за стол.

– Маша, – обратился профессор к жене. – По этому случаю, я думаю, можно выпить вина.

Тут все уставились на меня, как на принца Уэльского.

– Сегодня праздник?! – прошамкала старуха.

– Сегодня, Агнесса Ивановна, – значительно заявил профессор, – вы имеете честь познакомиться с типичным представителем современной молодежи. Этакая смесь нигилизма с хамством.

– Сеня! – укоризненно покачала головой его жена.

– О-о! – пропела старуха и вонзилась в меня взглядом.

Я промолчал. Катя подмигнула мне и улыбнулась.

– Любопытнейший экземпляр! Любопытнейший! – продолжал профессор. – Кстати, как ваше имя?

– Иван, – ответил я.

– Это надо было узнать прежде всего, – сказала Катя.

– Очень хорошо, Иван, – проговорил профессор, – очень хорошо. Меня вы знаете, Катю тоже. Это моя мать Агнесса Ивановна, а это супруга Мария Викторовна.

Я встал и поклонился.

– Видите?! – торжествующе воскликнул профессор. – Все принимается в штыки. Из всего делается спектакль – шутство, возведенное в принцип. Нам ничего не надо, мы все сами знаем!

– Да что же ты на него набросился? – рассмеялась Мария Викторовна.

– Это принципиальный вопрос, Маша, – сурово сказал профессор. – Я, мы, наше поколение хочет знать, ради кого мы жили и боролись. В чьи руки попадет воздвигнутое нами здание?!

– А что вы, собственно, беспокоитесь? – поинтересовался я.

– Любопытно было бы узнать, молодой человек, те принципы, по которым вы намереваетесь существовать в обществе, – спросил, в свою очередь, Кузнецов.

– Да принципы самые несложные, – ответил я. – Секрета тут никакого нет. Хотелось бы иметь приличный оклад, машину, квартиру в центре города и дачу в его окрестностях, хотя бы небольшую. Желательно, чтобы все это появилось как можно скорее. Да, еще... Поменьше работать. Согласитесь, что работа не самое веселое занятие...

При этих словах профессор подскочил и зашагал по кухне, бросая на меня уничтожающие взгляды. Невозможно описать возмущение, охватившее его. Он долго не мог вымолвить ни слова. Остальных членов его семьи мое заявление тоже очень озадачило. Меня просто смех разбирал, когда я смотрел на их постные физиономии. Кажется, только на Катю вся эта сцена не произвела никакого впечатления. Наконец Кузнецов снова уселся за стол и, остановив царственным движением руки супругу, норовившую вмешаться в разговор, сказал:

– Допустим! Допустим, что материальные блага необходимы, и в этом нет ничего предосудительного. Но все же надо заслужить их, то есть приложить какие-то усилия, и усилия немалые. Никто не подарит вам за красивые глаза ни машины, ни дачи. Нужно трудиться, работать, овладевать знаниями. Нужно не покладая рук создавать материальные и духовные ценности. Нужно развивать производство и двигать вперед науку. Падать от изнеможения и найти в себе силы встать после этого. Вот тогда красивый легковой автомобиль станет хорошим и заслуженным вознаграждением. Если... Если, разумеется, вы хотите получить его честным путем!

Последние слова он произнес тоном, исключаящим всякие сомнения на мой счет. Я выждал небольшую паузу, дав возможность профессору сорвать аплодисменты бабки, совершенно обезумевшей от восхищения, после чего спокойно сказал:

– Какую мрачную картину вы нарисовали. Тогда уж лучше без машины... Лучше пешком ходить, чем падать от изнеможения.

– Вот! – победоносно завопил Кузнецов. – А иначе, мой юный друг, никак, никак, никак не получится!

– Почему же? – невинно спросил я. – А если жениться? К примеру, обольщу вашу дочь, женюсь на ней – и дело, можно сказать, в шляпе.

Катя прыснула, а ее домочадцы остолбенели. Кузнецов явно не ожидал такого оборота.

– У вас и связи имеются и денежки водятся! – Тут я подмигнул Марии Викторовне. – Не захотите же вы сделать несчастною жизнь единственной дочери. Прошли те мрачные времена, когда бесноватые феодалы выгоняли детей из дому. Найдете же вы возможность и в институт меня пристроить, и потом тепленькое местечко выхлопотать, и квартиру купите. Что вам стоит? Напишите лишнюю книжку – и готова жилплощадь. – Я сделал паузу, посмотрел прямо в глаза Агнессе Ивановне и рявкнул что было мочи: – А?! Агнесса Ивановна, а?!

Бедная старуха вздрогнула и открыла было рот, но так ничего и не сказала.

– Вон! – закричал профессор. – Вон!

– Сеня, Сеня! – бросилась к нему Мария Викторовна. – Успокойся!

– Безобразие! – наконец-то выговорила Агнесса Ивановна.

– Зачем вы так, Иван?! – сказала Мария Викторовна, пытаясь удержать мужа.

– А что вы сами к нему пристали? – вступилась за меня Катя.

– Во-он!

– Безобразие!

Тут началось подлинное безобразие. Профессор схватил меня за шиворот и стал выталкивать в прихожую. Я сопротивлялся, как мог, вцепившись в косяк дверей, но он, конечно, был здоровее, да еще эта Агнесса Ивановна все щипала меня за пальцы. Кончилось тем, что меня вышвырнули в прихожую, а оттуда я вылетел на лестничную клетку. За мной последовала моя куртка, и дверь захлопнулась. Я стал одеваться, прислушиваясь к крикам в квартире. Вдруг дверь опять открылась, но я уже сиганул по лестнице вниз, опасаясь кулачной расправы. Катин голос остановил меня.

– Вань, стой! – кричала она.

Я замер на первом этаже, готовый спастись бегством в случае подвоха. Появилась Катя. Она была растрепана, но глаза ее сияли. В руках она держала белый пакет.

– Вот здорово! – сказала Катя.

– Ничего хорошего не вижу, – сказал я. – Еще на работу сообщит...

– Не сообщит. Вот тебе рукопись. – Она протянула мне пакет. Я взял его, проверил содержимое и кивнул. – Куда ты сейчас? – спросила Катя.

– В редакцию.

– Знаешь что, дай мне свой телефон. Я позвоню тебе вечером – расскажу, как и что.

Я пожал плечами, как будто мне было все равно, и продиктовал номер.

– Ну, я побежала, – проговорила Катя. – Ой, что там делается! Потрясающе! – Она поднялась на несколько ступенек и обернулась ко мне. – А ты смешной, – сказала она. – Ты мне нравишься.

Мамы дома не было. На столе я нашел записку: «Ваня, я на родительском собрании. На плите – котлеты. Разогрей. Целую. Мама». Я пошел на кухню, посмотрел на котлеты, но есть не стал и вернулся в комнату. Зазвонил телефон.

– Позовите, пожалуйста, Ивана.

По голосу я узнал Катю.

– Это я, Катя. Привет.

– Привет.

– Ну, как дела?

– Все нормально.

– Чего там отец твой?

– Да ничего, в порядке. Покричал, конечно, немного, а потом успокоился. Мама сказала, что ты оригинал.

– Seriously?

– Да, ты, как ни странно, ей очень понравился. Так что ты не волнуйся, на работу тебе отец не будет звонить.

– А чего мне волноваться? Я лицо не ответственное.

– Ага, ты скорее лицо безответственное, – засмеялась Катя. – Но все равно не хотелось, чтобы у тебя были неприятности.

– Спасибо. Ты что завтра делаешь? – спросил я.

– Утром учусь, а вечером ничего вроде.

– Может, встретимся, сходим куда-нибудь?

– Давай. Во сколько?

– На Маяковской, у памятника. Подгребай часикам к семи. Устроит?

– Устроит.

Я повесил трубку. На улице уже совсем стемнело. Далекие и близкие огни заполнили черный проем окна. «Что-то матери долго нет», – подумал я. В голове опять заварилась какая-то каша. Вдруг стало грустно.захотелось что-нибудь немедленно предпринять. Я достал из шкафа свой лучший костюм, сшитый по случаю выпускного вечера, и белую рубашку. Одевшись, включил магнитофон и подошел к зеркалу. Левую руку я поднес ко рту, как будто в ней был микрофон, правой, поддерживал воображаемый шнур. Поймав ритм мелодии, я стал покачиваться, беззвучно раскрывая рот. Стены комнаты расплзлись, пол провалился куда-то, и, выброшенный на сцену огромного концертного зала, я под рев многотысячных зрителей исполнил самую популярную песенку года. Исполнил под восторженный свист покоренного зала, чувствуя, как тысячи глаз размылись слезами безумного обожания. И я, заключенный в перекрестке софитов, торжествовал победу над этой исступленной вакханалией...

Звонок в дверь прозвучал, будто выстрел в спину. Словно застигнутый на месте преступления, я бросился к магнитофону, выключил его, и тишина обрушилась на голову, как поток холодной воды. Взволнованный, я открыл дверь и увидел соседа Никифорова с ребенком на руках, которого, судя по всему, только разбудили; он тер глаза ручонками, довольно бессмысленно озираясь по сторонам.

– Здравсте, – сказал я.

– Посмотри на ребенка, – сурово потребовал Никифоров.

– А в чем дело? – любопытно спросил я, внимательно осмотрев малыша.

– Ничего не замечаешь? – спросил Никифоров. Я вторично осмотрел дитя и, не найдя никаких особенных изъянов, покачал головой.

– Да вроде все в порядке.

– Та-ак! – сказал Никифоров и, встряхнув ребенка, забормотал: – Ничего, пусик, ничего... Та-ак, – повторил он снова, обращаясь ко мне. – А головка дергается – это тоже порядок?! Да? Ребенок от твоей музыки, можно сказать, ненормальный растет! Это как, порядок?

– Да что ты ему объясняешь, бесстыднику? – закричала жена Никифорова, выбежав на лестничную площадку и вырывая из рук мужа ребенка. – Ничего, пусик, – заговорила она, раскачивая его на руках, – мы найдем на него управу! Мы его в милицию!.. Мы его!..

Малыш, видимо, растроганный всеобщим вниманием, действительно заплакал.

– Вот! – воскликнул Никифоров. – Во-от! Видишь, до чего довел ребенка! Ишь, моду взял – на полную катушку магник заряжает! Что из него теперь вырастет, когда он с ранних лет оглушенный растет?

– Должно быть, ничего хорошего, – согласился я.

– Как это? – удивился Никифоров.

– Так ведь головка дергается, – пояснил я и для наглядности сам задергал головой. Заметив это, юный Никифоров вдруг перестал плакать и с интересом воззрился на меня.

– Издевается, – убежденно сказала его мамаша.

– Самый умный, – решил ее супруг.

– Гу-гу! – закричал их сын, смеясь и хлопая в ладоши.

С трудом переставляя израненные, стертые ноги, я шел вверх. Пот тонкими струйками стекал из-под шлема на лицо, разъедал глаза и щипал опаленную солнцем, искусанную комарами, расцарапанную кожу. За спиной я слышал тяжелое дыхание своего отряда. А впереди была вершина, до которой оставалось не более ста шагов. Я остановился, и отряд в тот же миг застыл на месте. Вглядываясь в обросшие, худые лица солдат, я с трудом узнавал их. Диего, Хуан, Родриго... Они смотрят в мои глаза, надеясь найти в них избавление от всех несчастий, постигших нас в этом походе. Еще сто шагов... Я пройду их один. Сам. Обратив лицо к вершине, я отбрасываю шлем в сторону и обнажаю меч, будто иду в бой. Я поднимаюсь, чувствуя, как эта кучка больных и грязных людей, более похожих на нищих, нежели на солдат, пристально следит за каждым моим движением. Я иду к вершине. И в тот момент, когда я ступаю на нее, до меня доносится далекий, но неумолкающий шум прибоя. Я ощущаю запах морской волны, дуновение свежего бриза. Я вижу бескрайнюю голубую гладь, сверкающую под солнцем. Это океан. И, воздев меч к небу, я кричу так громко, как только могу. Кричу, чтобы слышали солдаты и индейцы, конкистадоры и миссионеры, ученые и мореплаватели, короли и королевства, все мужчины и все женщины. Кричу о том, что я, первый из всех, увидел этот Великий Неведомый Океан. И пока солдаты в безумном восторге спешат ко мне, я его единственный и полноправный владелец. Я – Васко Нуньес де Бальбоа.

Сон сковал глаза. Уступая ему, я простился с человеком, пронзающим небо серебряным клинком своего меча.

Каким же был этот миг? И был ли вообще?

Шел пятый час, и я, памятуя о свидании с Катей, хотел, по образному выражению Зиночки, «отчалить из гавани». Степан Афанасьевич протянул мне большой конверт.

– Вот, брось пакет в почтовый ящик – и свободен, – сказал он.

– Что это?

– Фантастический рассказ. Плохой. Печатать не будем. Еще вопросы?

– Все ясно, как в морге, – сказал я.

– Слыхали выраженьице? – проговорила Зиночка.

Макаров усмехнулся.

– Действуй.

Я взглянул на адрес на конверте. Тверская-Ямская. «Это мне по дороге. Заеду, брошу в ящик. Время есть», – решил я.

Однако почтового ящика в подъезде дома на Тверской-Ямской не оказалось. Мне пришлось пешком подняться на пятый этаж (лифт в доме не работал), и там я долго звонил в буро-коричневую дверь квартиры № 46, где проживал автор фантастического рассказа. Наконец мне открыли. Я увидел худощавого мужчину в пижаме и тапочках на босу ногу. Лицо его, смуглое, широкоскулое – нос с горбинкой, глаза голубые, – имело выражение недовольства, какое бывает у людей, чей сон бесцеремонно потревожили. Мужчина окинул меня подозрительным взглядом и спросил:

– В чем дело?

– Мне товарища Воробьева, – сказал я.

– Я Воробьев Сергей Степанович, – ответил мужчина.

– Я вам рукопись привез. – Я протянул ему конверт.

Воробьев посмотрел на него, но в руки не взял и, посторонившись, пригласил меня зайти. Сам двинулся вперед, бормоча под нос:

– Соседи-дьяволы открыть не могут. Знают ведь, подлецы, что я в ночь работал...

Мы зашли в небольшую, почти пустую комнату. В центре ее стоял стол, в углу тахта с разобранной постелью, рядом с ней холодильник. Сергей Степанович предложил мне сесть, а сам вскрыл конверт, быстро пробежал глазами письмо от редакции. Некоторое время он в раздумье прохаживался по комнате, потом взял со стола рукопись, которую перед тем положил туда, и сунул ее мне под нос.

– А ты сам читал это? – спросил он с вызовом.

– Нет, не читал, – ответил я.

– Как? Ты не читал? – искренне удивился Воробьев.

– Не читал, – повторил я.

Сергей Степанович с досадой бросил рукопись на стол и сказал:

– Это очень хороший рассказ.

– Не знаю, – пожал я плечами.

– Ты не знаешь, а я знаю! – вскипел Сергей Степанович. – И говорю тебе, что рассказ просто замечательный.

– Ну, может быть, он и замечательный, но печатать его у нас не будут, – сказал я.

– Это потому, что у вас в редакции работают некомпетентные люди, – важно произнес Сергей Степанович и добавил: – И ты тоже некомпетентный человек. Поначалу ты произвел на меня неплохое впечатление, но теперь я вижу ясно, что ты абсолютно некомпетентен.

– Тогда я лучше пойду, – сказал я, чутьем угадав, что здесь можно застрять надолго, и рассчитывая воспользоваться удобным предлогом, чтобы поскорей улизнуть.

– Нет, подожди, – остановил меня Сергей Степанович. – Ты что же, обиделся, что ли? Ты это брось. Я пошутил. Давай-ка я лучше тебе расскажу про этот рассказ. Давай?

– Да нет, мне идти надо.

– Ну, полчасика, а? Я тебя прошу.

Его глаза сделались такими печальными, что мое чувствительное сердце дрогнуло и я вернулся за стол. Тогда Сергей Степанович начал суетиться. Достал из холодильника бутылку вина, поставил на стол рюмки и закуски.

– Хлопнем по одной? – предложил он.

– На работе не пью.

– Чуть-чуть?..

Мы хлопнули чуть-чуть, по рюмке. Сергей Степанович захрумкал огурцом, потом, откинувшись на спинку стула, сказал:

– Ты вот не знаешь, про что рассказ, а я тебе сейчас скажу. – Он сделал интригующую паузу, завел глаза к потолку, вернул их на место и продолжал: – Там, понимаешь, такая история, что на земле наступает новый ледниковый период. Слышал, наверное, было у нас однажды такое дело?

– Слышал, – сказал я.

– Так вот... Наступает этот самый период, и такой холод начинается... Ну, просто собачий!.. Понятно?

– Понятно.

– И это, в общем, катастрофа... Потому что холодно... Просто очень холодно. И никто не знает, что делать. Конечно, предлагаются разные проекты спасения: выдать населению по цистерне водки, запустить искусственное солнце, с помощью мощных ракет перевести Землю на другую орбиту и так далее. ООН заседает круглосуточно, рассматривает все проекты и отвергает их один за другим. Вдруг неизвестно откуда появляется некий старикашка, показывает книгу, изданную пятьдесят лет назад, и говорит: так, мол, и так, вот в этой книге я полвека назад предсказал это ужасное похолодание. Все, конечно, хватаются за голову: дескать, как же мы раньше эту книжонку не читали? – и в признание старикашкиных заслуг решают выдать ему Нобелевскую премию. Старикашка, разумеется, очень доволен и уже прикидывает в голове подарки, которые он купит внукам, как вдруг встает один делегат и говорит: «Этому старикану не то что премию давать, ему башку оторвать мало за его предсказание. Это он накаркал нам ледниковый период. Он во всем виноват!» Тут общественное мнение круто изменяется, и всеобщим голосованием постановляется оторвать старикану голову... И оторвали... – Сергей Степанович задумался, почесал ладонью лоб и сказал: – Рассказ в общем-то действительно дерьмовый...

– А я что вам говорил? – обрадовался я. Воробьев строго взглянул на меня,

– Напечатать-то его все равно могли. Не подходит им, видите ли... А я, между прочим, три дня на него ухлопал!

– Да вы зря переживаете, – стал я его успокаивать. – Если бы рассказ был хороший, тогда, конечно, обидно... А если дерьмовый – так наплевать на него!

– Да, конечно, – согласился Сергей Степанович. – Мне просто деньги очень нужны. Вот я и решил рассказ написать. Сперва я хотел какую-нибудь научную статейку набросать – это мне ближе. Но потом узнал, что за художественную прозу платят больше. – Он вздохнул, налил себе еще рюмку, но не выпил и продолжал: – Ты только не подумай, пожалуйста, что я рвач или хапуга. Здесь совсем не то. Я в такси работаю, зарабатываю достаточно – на жизнь хватает...

Он сделал паузу, а потом вдруг, резко наклонившись над столом, приблизил свое лицо ко мне, будто хотел сообщить нечто таинственное. Но в это мгновение дверь в комнату открылась и в проеме показалась взлохмаченная голова мужчины. Сергей Степанович, отпрянув от меня, столь сурово посмотрел на голову, что любое более ранимое существо непременно смутилось бы под взглядом его прищуренных глаз. Однако голова, видимо, не отличавшаяся особой сентиментальностью, ничуть не растерялась и дружелюбно проговорила:

– Серега, одолжи трояк до субботы.

– Вон! Пошел вон! – закричал Сергей Степанович. – Я же тебя предупреждал по-хорошему!.. Убирайся! Вон!

Голова выслушала эти гневные слова с невозмутимостью индейского вождя и, когда Сергей Степанович замолчал, чтобы перевести дух, обратилась ко мне:

– Молодой человек, три рубля не одолжите?

Сергей Степанович пулей метнулся к двери с явным намерением причинить голове физический ущерб. Но ее обладатель оказался проворней и захлопнул дверь перед самым его носом.

– Видал, каков? – с негодованием произнес Сергей Степанович.

– Это кто ж такой? – поинтересовался я.

– Синицын, сосед, – сказал Сергей Степанович, возвращаясь на место. – За стенкой живет. Такой, понимаешь ли, подлец. Жокеем на ипподроме работает... То есть говорит, что жокеем, а по-моему, врет. По-моему, просто тунеядец!..

Он с досадой махнул рукой, как бы желая отделаться от неприятного воспоминания, но шорох за дверью заставил его вновь насторожиться.

– Ну, хватит!.. – Стукнул ладонью по столу Сергей Степанович и стремительно выбежал из комнаты.

Я подошел к окну. Тучи сплошной серой массой висели над городом. Казалось, их можно достать рукой с крыш наиболее высоких домов. Улица внизу была малооживленной и ничем не привлекала внимания. Я взглянул на часы: шесть. Как-то незаметно я просидел здесь почти полтора часа. В семь у меня свидание с Катей. Домой я уже никак не успевал – надо улучшить минуту и позвонить матери, сказать, что задержусь.

– Да, да, это очень интересный дом. Вернее, не дом, а одна квартира, окна которой прямо напротив нас.

Задумавшись, я не заметил, как вернулся Сергей Степанович и встал рядом. Его голос прозвучал слишком внезапно, и я не уловил смысла произнесенной фразы. Сергей Степанович как будто понял это и повторил:

– Я говорю, что окна напротив представляют очень интересный объект для наблюдения.

Его лицо и интонации в голосе как-то неуловимо переменялись. Однако мне почудилось в них что-то знакомое, и тогда я вспомнил ту таинственность, с какой он приблизился ко мне за столом. Я внимательно посмотрел на серый пятиэтажный дом на противоположной стороне улицы. Окно, о котором говорил Сергей Степанович, принадлежало последнему этажу и действительно помещалось прямо напротив того, у которого стояли мы. Ничего примечательного ни в доме, ни в этом окне мне не показалось.

Я с удивлением взглянул на Воробьева. На лице его появилось радостно-глупое выражение, какое бывает у людей, загадывающих загадки.

– Теперь ты понимаешь, для чего мне нужны деньги? – спросил Сергей Степанович, заранее упиваясь моим ответом.

– Нет, – сделал я ему приятное.

– Вот! – Сергей Степанович многозначительно поднял палец и пригласил меня вернуться к столу.

– Не знаешь, – с удовольствием повторил он, когда мы присели, и продолжал: – Мне нужна хорошая подзорная труба.

– За окном следить, что ли? – догадался я. Сергей Степанович утвердительно кивнул головой, и лицо его расплылось в радостной улыбке.

– Это неприлично, – сказал я.

– Здесь совсем другое дело. Здесь наука и, возможно... Я бы сказал даже, очень и очень возможно, великое, историческое открытие, – Он придвинулся ко мне и понизил голос. – Слишком рано, конечно, делать какие-либо выводы. Но я убежден, что дознался до такого, что никому и не снилось. Я открываю

тебе это не потому, что на меня произвели впечатление твои умственные способности. Ты не обижайся, но, судя по всему, они довольно посредственные. Однако ты молод, и углядел в твоём характере черты, полезные для моих исследований. Мне нужен посторонний взгляд на объект, за которым я наблюдаю, потому что иногда мне уже мерещится, будто все, что я вижу каждую ночь из этого окна, просто плод моей богатой фантазии. Ты кажешься мне самым подходящим человеком для этого. Не могу же я в самом деле доверить такое важное открытие этому проходимцу Синицыну. Подумай хорошенько, прежде чем согласиться, и, если решишься, приходи ко мне в двенадцать часов ночи.

Сергей Степанович замолчал и уставился на меня своими круглыми ржаво-серыми глазами. Я долго не находил, что сказать. Так мы молча смотрели друг на друга, и вдруг меня осенила мысль.

– А как же труба? – спросил я не без провокации. – Ведь подзорной трубы у вас нет.

– Трубы нет, – не моргнув глазом, ответил Воробьев. – И наплевать, что нет. И без нее все видно.

Я вышел на улицу в том состоянии, какое в старых романах называлось «полным смятением чувств». Я, разумеется, сразу определил Сергея Степановича как сумасшедшего, но все же не мог отделаться от беспокойства, которое он заронил во мне своей таинственной историей. Однако часы показали половину седьмого, и я поспешил к площади Маяковского, на время забыв разговор с Сергеем Степановичем.

Остановившись между колонн Зала Чайковского, я принялся высматривать среди прохожих Катю. Мне пришлось подождать минут пятнадцать, и наконец я увидел ее. На Кате был просторный блестящий плащ, скрывавший все, кроме черных сапог на высоких серебряных каблуках. Выглядела она в этом наряде очень экстравагантно. Спрятавшись за колонной, я наблюдал, как, неприступно вскинув голову, она идет по улице, словно не замечая многочисленных взглядов, бросаемых ей вслед.

– Привет, – сказал я, прекращая ее победоносное шествие.

– Привет, – произнесла Катя надменно, видимо, еще не выйдя из роли демонической женщины.

– Ты сегодня ничего, – сказал я, ухмыляясь.

– Мерси. – Катя небрежно откинула прядь волос, упавшую на лоб.

– Может, поцелуемся? – предложил я.

– С какой это стати? – фыркнула Катя.

– Ну так... Что ты, развалишься?

Катя задумалась.

– Развалиться, конечно, не развалюсь, – согласилась она. – Но целоваться с тобой не буду. У меня другие принципы.

– А у меня, по-твоему, принципов нет? Да?

– Не знаю, – сказала Катя. – Ладно, ты зачем меня на свидание пригласил? Чтобы что делать?

– Чтобы поцеловаться, – сказал я.

Катя развернулась на сто восемьдесят градусов и пошла прочь.

– Чего ты обиделась? – заканючил я, нагоняя ее. – Что, пошутить нельзя?

Катя остановилась.

– Шутки у тебя дурацкие, – сурово сказала она. Я изобразил на лице чистосердечное раскаяние и виновато потупил голову. Катя смягчилась.

– Ладно, – проговорила она примирительно. – Какие у нас все же планы?

– Сходим куда-нибудь, в кафе или кино, – предложил я.

– Знаешь, у одной моей знакомой девочки сегодня день рождения. Если хочешь, можем к ней пойти. Согласен?

Именинница жила в большом четырнадцатипятиэтажном доме на Юго-Западе. Когда мы туда пришли, празднество было в самом разгаре. Это стало ясно уже в подъезде, где я услышал незабываемый голос Адриано Челентано. Хозяйка лично открыла дверь и пригласила нас войти. Она была сногшибательно одета и страшна, как черт.

– Вы очаровательны, – сказал я, вручая ей цветы. – Поздравляю.

Она сделала легкий реверанс и представилась:

– Наташа. Очень рада.

В гостиной за низким столом, украшенным грудой бутылок с иностранными этикетками, сидели, развалившись в мягких креслах, человек восемь молодых людей и девиц. Гремела музыка. Под потолком стлался дымок импортных сигарет.

Наташины родители работали и жили, как выяснилось, в Греции. Ко дню рождения дочери они прислали открытку с видом Акрополя и стереомагнитофон фирмы «Акай». Он и наяривал теперь во всю мощь десятиваттных колонок. Девицы пустили по рукам парижские журналы мод, которых у Наташи было видимо-невидимо. С надутыми губками они листали красочные страницы. Журналы им явно не нравились. Они откровенно говорили об этом друг другу.

– Ну что это за платье, – сказала довольно смазливая блондинка, тыча пальцем в журнал. – Просто идиотство!

– Самое интересное, что в Париже так никто не одевается, – заявила сидевшая напротив нее брюнетка.

– А вы бывали в Париже? – поинтересовался я. Девицы с изумлением уставились на меня, а брюнетка сказала с легкой улыбкой на ярких губах:

– Я все лето провела в Лондоне.

– Ну, а в Париже-то были? – настаивал я. Брюнетка раздраженно передернула плечами.

– В Париже не была.

– Ах, Людка, бедная, – обнял ее за плечи и потащил к себе широкоплечий парень, – не была она в Париже!

– Отстань, Игорь, – рассердилась Люда.

– Не трожь! – грозно закричал другой парень. – Убью!

– Ой-ей-ей, – запричитал Игорь, делая вид, что ему страшно. Потом вдруг, живо вскочив с дивана, встал посреди комнаты, широко расставив полусогнутые ноги. Другой немедленно очутился напротив него и заорал:

– Йока! – И звезданул ногой в лицо сопернику. Впрочем, его черный блестящий сапог, не долетев сантиметров пяти до носа Игоря, благополучно вернулся на место.

– Ки-а! – крикнул в ответ Игорь, и его правая нога взметнулась в воздух, грозя ребрам партнера.

– Хватит вам, каратисты, – вяло сказала Наташа. – Сейчас всю мебель побьете.

Каратисты чинно поклонились друг другу и сели на свои места. Они пустились в рассуждения о

секретах каратэ. Остальная мужская часть общества приняла живое участие в их беседе.

– Они что, все каратисты? – шепотом спросил я у Кати.

– Угу, – кивнула она. Игорь шесть лет в самой Японии занимался. Еще когда с родителями там жил.

В Катином голосе прозвучали восхищенные нотки. Мне стало обидно и завидно. Этот Игорь явно чувствовал себя героем вечера: много говорил и громко смеялся, был развязан, легкомыслен и великодушен. Меня просто зло брало, когда я смотрел на его самодовольную физиономию. Тем временем мне пододвинули полный бокал вина, и Игорь предложил тост:

– За Наташку!

Все закричали, захлопали в ладоши и выпили за Наташку. Я тоже выпил. Залпом. До дна. И захмелел. Тепло пробежало вдоль позвоночника, проникло в кровь и разлилось по всему телу.

– Где ты учишься, Иван? – обратилась ко мне Наташа.

– Нигде, я работаю, – ответил я. Наташино лицо от удивления вытянулось.

– Что, уже закончил? – неуверенно спросила она.

– Да нет, не закончил. – Я краем глаза взглянул на Катю и, придавив на всякий случай ее ногу под столом, громко сказал: – Я на заводе работаю, слесарем.

Мое заявление имело некоторый успех. Девицы заинтересовались моей особой, и, хотя Игорь еще продолжал удерживать мужскую аудиторию, я заметил, что и там произошло легкое движение.

– Собираешься поступать? – с участием спросила Наташа.

– Куда ж мне поступать с такой анкетой, – простодушно сказал я.

– А-а... – Наташа запнулась и беспомощно взглянула на Катю. Та с невозмутимым видом потягивала вино.

– Я же сидел, – сказал я как можно беспечнее. – Пять лет отрубил... в зоне.

В комнате воцарилась пауза. Игорь еще пытался как-то заполнить ее демонстрацией очередного сверхубойного приема, но, уразумев, что его уже никто не слушает, затих сам собой. Я спокойно взял нетронутую бутылку виски и, легонько взвесив в руке, спросил у Наташи:

– Покрепче ничего нет?

– Что? – растерялась Наташа.

– Спирта, говорю, нет?

Наташа виновато развела руками и промямлила:

– Нет... спирта нет...

Я сокрушенно вздохнул и, налив себе полный бокал, вопросительно взглянул на ребят. Они заволновались и стали поспешно пододвигать мне свою посуду, куда я щедро, до края бухал виски. Наливая Игорю, я не удержался от провокационного вопроса:

– Полную?

– Разумеется, – ответил он, занервничав, и пробасил: – Я в общем-то тоже спирт предпочитаю...

– Какой? – спросил я с подозрением.

– Что какой? – смутился Игорь.

– Спирт какой предпочитаешь?

– Спирт?.. – Игорь заерзал в кресле. – Медицинский, девяностошестипроцентный... – Он запнулся и добавил отчаянно: – Неразбавленный!..

– Понятно. – Я сделал многозначительную паузу, после чего задумчиво проговорил: – Да, медицинский – еще куда ни шло. Хотя по мне, ничего нет лучше обычного древесного спиртыги...

– Разве его можно пить? – робко спросила Люда.

– Это уж кому как, – усмехнулся я ее наивности.

После этого акции Игоря начали стремительно падать. Девочки смотрели на меня глазами, полными беспокойства и тайного восторга. Присутствие в компании отпетого уголовника внесло в заурядный вечер элемент мрачной романтики. В комнате, кажется, запахло дымом таежных костров, дальними дорогами, забытыми богом полустанками. За всем этим вставала другая жизнь. Она казалась большой и серьезной. Там неумолимо и упорно прокладывали дороги. Там женщины страдали от несчастной любви и мужчины ненавидели неверных женщин. Там смеялись и плакали, совершали преступления и героически жертвовали собой. Там была жизнь, пугающая и влекущая своей непридуманной правдой.

Там была неизвестность, тайна, легенда, чудо. Там в тихих утренних озерах блеснет вдруг серебряным боком рыбина и исчезнет в глубине, так что никогда и не узнаешь, видел ли наяву этот блеск или он только почудился. И в глухих чащобах леса хрустнет ветка – и зажжется желтый немигающий глаз волка. И сердце дрогнет и замрет от сладкого ужаса. И в пустыне разразится песчаная буря. И ты погибнешь, занесенный горячим, сухим песком. И в горах сорвешься с ледника и полетишь в пропасть, отсчитывая последние доли секунды своей жизни. И перед тем как погрузиться в ночь, еще увидишь ослепляющий блеск снегов и розовые в закатном солнце вершины гор. И в штормовом океане обратишь свое лицо к затянутому облаками небу, сквозь которые сверкнет, может быть, последний в твоей жизни солнечный луч. И тело мягко и легко опустится и ляжет между сгнивших корпусов затонувших кораблей...

В одно мгновение коснувшись неизведанного, наш вечер тронулся дальше по уже проторенной, дороге. Загорелись свечи в тяжелых подсвечниках, и мир сжался до размеров плеч девушки, которую обнял в медленном танце.

«Добрый вечер, синьорина, добрый вечер...» – пел Челентано, и вечер казался добрым и вечным. Все было прекрасно в нем: сиреневый блеск бокалов и капли белого вина на их хрустальных стенках, бледно-розовый свет одинокого торшера и кисть Катиной руки, устало повисшая в воздухе, раскрытый журнал, упавший на ковер, и рыжий кот, притаившийся в подушках дивана. Лица собеседников оплыли, как подогретый воск. Их черты стали теплыми и мягкими, а голоса звучали шорохом осенних листьев, в котором нельзя было уловить никакого смысла. Дым от сигарет, собравшись в белесое облако, обернулся полярным медведем. Медведь спал, обнимая толстыми лапами люстру. Его длинный розовый язык вывалился из полураскрытой пасти и повис в воздухе над нашими головами. Я поднял руку, чтобы дотронуться до него.

– Не надо, – тихо сказала Катя.

– Что? – не понял я.

– Не трогай его. – Она посмотрела на медведя. – Пускай спит.

Той ночью мне было очень плохо. Проклятое виски нанесло чувствительный урон. Домой я пришел поздно, но мама, конечно, не спала. Не сказав ни слова упрека, она помогла мне раздеться и уложила спать. Сперва я, кажется, действительно заснул, но ненадолго. Меня мутило. Кое-как добравшись до окна, я открыл его настежь и, по пояс высунувшись наружу, стал жадно вдыхать холодный воздух. Опять пришла

мама и, вернув меня в постель, присела рядом. Она приложила ладонь к моему лбу, и постепенно я забылся в дремучем полусне.

Мне приснился золотой дракон с голубыми глазами. Сосед Никифоров в черном смокинге, без головного убора и даже без головы. Трамвай, в котором я ехал по незнакомому городу. А в трамвае сидели четыре женщины в римских тогах. На коленях они держали позолоченные клетки. В клетках сидели рыжие коты. Женщины и коты с любопытством наблюдали за мной. Вагоновожатый все время выбегал из своей кабины и кричал страшным голосом: «Я же просил вас не мяукать!» – хотя никто и не мяукал. В растерянности от таких беспочвенных обвинений рыжие коты только лапами разводили, а римлянки молча выбрасывали клетки в окно. Но стоило вагоновожатому исчезнуть, как клетки снова появлялись у них на коленях. Так продолжалось до тех пор, пока не пришел профессор Кузнецов. Он сказал: «Прошу встать. Идет директор главка». Но это было уже не в трамвае, а в нашей редакции. Там ко мне подошел Макаров, снял с головы шляпу с кроликом и велел: «Двигай к Кузнецову, герцог». А я сказал: «Да вот же он!» – и показал на профессора. Но Макаров смотреть не стал и сказал мне: «Это не он, это тень от дверной ручки». Я тотчас поверил этому и взялся за профессора, как за ручку, и дверь действительно открылась, и я очутился на лестничной клетке. В руках у меня было мусорное ведро, а в нем старые ботинки и кусок шведского мыла. Почему шведского, не знаю, на нем написано не было. Я направлялся к мусоропроводу, но вдруг меня как будто что-то стукнуло в спину. Я обернулся и увидел Воробьева. Он приоткрыл дверь соседней квартиры и, улыбаясь, смотрел на меня через узкую щель. Из головы у него росла ветка сирени, а изо рта торчали огромные желтые клыки. Он подмигнул мне и захлопнул дверь. Но дверь оказалась хрустальной и с мелодичным звоном рассыпалась на куски. За нею открылся бронзовый бюст моего отца. Он спросил меня: «Как дела, старина?» Я ответил: «Все в порядке, папа».

Мы сидели с Катей на диване в ее комнате. Между нами стояла ваза, полная грецких орехов, которые я колот щипцами и делил поровну между собой и Катей. Мы уже успели сходить в кино; потом Катя пригласила меня к себе. Я сперва отказался, опасаясь встречи с ее отцом и бабкой. Но Катя все же уговорила меня.

– Отец что? Работает? – поинтересовался я между прочим.

– Угу, – кивнула Катя. – Работает. Пишет чего-то...

– Охота ему целый день за столом сидеть?! – удивился я. – Пошел бы лучше в футбол погонял.

Катя засмеялась.

– Представляю своего папу играющим в футбол, – сказала она.

Я тоже улыбнулся.

– Зрелище, конечно, не для слабонервных.

Катя шлепнула меня по голове.

– Хватит!

– Виноват. – Я протянул ей очередной орех.

– Не хочу больше.

Я пожал плечами и сам слопал орех.

– А на инструменте ты играешь? – Кивнул я на рояль, стоявший рядом с диваном.

– Занималась когда-то... – сказала Катя.

– Ну, сыграй чего-нибудь, – попросил я.

– Не хочется...

– Сыграй, я спою...

Катя заинтересовалась этим предложением и спросила:

– Как я буду играть, если не знаю, что ты будешь петь?

– Да мне все равно, какой мотив... Играй что-нибудь блатное.

– Ладно... – Катя потянулась, встала, еще как-то вся изогнулась, как кошка после долгого сна, встряхнула головой и села на стул перед роялем. Я ногой подцепил другой стул и пододвинул его к себе.

– Я буду стучать на нем, за ударника, – пояснил я.

– Валяй стучи, – согласилась Катя.

– Ну, давай...

– Я даже не знаю... Давай лучше с тебя начнем...

– Нет, нет, играй, а я потом вступлю...

Катя вздохнула и ударила по клавишам.

– Ну! – сказала она, сыграв вступление.

– Это что-то не то. Мотив неподходящий.

– Ну, я не знаю, какой тебе нужен. Ты сперва спой, а я подберу.

– Как же я буду без музыки петь?

– А так я не знаю, что играть...

– Ладно, я сейчас напою тебе, а ты подыграй на фоно. – Я откашлялся, на минуту задумался, потом запел. Первый куплет пошел у меня как по маслу. Вот он:

Жил на свете козел,
Не удав, не осел,
Настоящий козел,
С седой бородой! Ме-е!

Катя чуть не задохнулась от смеха...

– Как это ты пел?! – покатывалась она. – Ме-е-е!..

Я остался доволен произведенным эффектом и сидел, ухмыляясь во весь рот.

– Ну, давай дальше! – просила Катя.

– Подожди, еще не придумал.

Катя стала наигрывать на рояле довольно блатную мелодию.

– Любил козел морковку, – завыл я, как ошпаренный. – Старый кретин любил све-е-ежайшую морковку!..

Тут и Катя запела что было сил:

– Бе-е, ме-е, бе-бе!

Здесь я сам уже не мог сдержать смех, а Катю прямо-таки прорвало, и она продолжала срывающимся голосом:

– И любил он морковь,
Не салат, не свеклу,
А любил он морковь,
Хау ду ю ду-ду!

– Бе-бе! Хряп-хряп! – поддержал я. – Хау ду ю ду-ду!

– Ой, не могу, – заливалась Катя. А я спел еще:

– Вот какой был дурак,
Не удав, не осел,
Этот старый чудака,
Настоящий ко-о-озел!

Последние слова «песни» нанесли нам, можно сказать, смертельный удар. Я растянулся на диване, не в силах остановить приступ истерического смеха, овладевшего мной, а Катя просто свалилась со стула.

И представьте себе, что в этот кульминационный момент дверь в комнату открывается и на пороге возникает могучая фигура Семена Петровича, из-за плеча которого высовываются длинный нос и золотое пенсне Агнессы Ивановны. Если бы вы могли видеть их лица в эту минуту! Мы-то с Катей их видели, и мне до сих пор непонятно, как я выжил тогда. Потому что, если до этого со мной была истерика, то теперь начались настоящие судороги. Я забил ногами по дивану, стал хватать ртом воздух, при этом визгливо вскрикивая:

– А-а! Ах-ха-ха! А-а!..

Тогда, нужно признать, Семен Петрович принял единственно правильное решение. Агнесса Ивановна, помнится, еще прошамкала нечто вроде: «Что же это такое?» Но Семен Петрович, не проронив ни звука, медленно попятился, подобно тигру, уступающему поле боя стае шакалов, и, вытеснив задом наседавшую на него Агнессу Ивановну, резко захлопнул дверь.

Это несколько привело нас с Катей в чувство.

– Вот попали, – сказал я, отдышавшись, отирая ладонью влажные от смеха глаза.

– Да, неудобно получилось, – согласилась Катя и, не в силах сдержаться, опять рассмеялась.

– Хотя, если разобраться, ничего предосудительного мы не делали, – проговорил я. – Что, уже посмеяться нельзя?

– Да, в общем, конечно, – произнесла, правда, не очень уверенно, Катя.

За дверью послышался слабый шорох. Я настороженно замер, на мгновение воцарилась тишина, потом дверь приоткрылась, и в узкой щели блеснуло пенсне Агнессы Ивановны.

– Катя, – вкрадчиво позвала она, – мне кажется, тебе пора немного позаниматься.

Катя покраснела.

– Ой, ну ладно, ба!

Я понял, что пожелание Агнессы Ивановны более всего обращено ко мне.

– Ладно, Катерина, я потопал. – Я встал с дивана и пошел в прихожую одеваться, но в коридоре меня остановил властный голос Семена Петровича.

– Молодой человек! – сказал он, появившись из своего кабинета так быстро, что могло показаться, будто он специально поджидал меня. – Не уделите ли вы мне несколько минут вашего драгоценного

времени?

Я беспокойно взглянул на Катю, потом на Агнессу Ивановну, которая с высокомерным видом прошла мимо меня на кухню, и направился в кабинет.

Семен Петрович расположился в удобном кресле около письменного стола; я остался стоять посреди комнаты. Сесть он мне не предложил, а сам я, оробев под его пристальным взглядом, не решился на подобную дерзость. Со стороны, я думаю, мы очень напоминали известную картину Ге «Петр I допрашивает царевича Алексея». Мысленно я пририсовал к физиономии Семена Петровича густые торчащие усики, и вот уже сам грозный царь Петр сидел передо мною. Сейчас он сделает легкий жест, и верный царский пес князь-кесарь Федор Ромодановский потащит меня в сумрак пыточного каземата. А там – дыба, жаровня, батоги и прочие хитроумные приспособления, которыми так успешно пользовались наши предки. От этой картины по спине пробежал холодок, а дальше я уже представлял свою забубенную голову на плахе, окруженной толпой задавленного абсолютизмом народа в костюмах, наподобие тех, какие я видел на концерте ансамбля Игоря Моисеева.

– Нуте-с, – произнес Семен Петрович, не дав мне насладиться зрелищем собственной казни. – Итак, молодой человек, должен вам признаться, у меня сложилось мнение... Нет, глубокое убеждение в том, что ваше общество категорически противопоказано моей дочери. Я позволю себе не излагать все те многочисленные факты... э-э... примеры вашего поведения, из которых складывалось подобное мнение... м-м... убеждение. Однако, как мужчина мужчине, я настоятельно прошу вас прекратить всякие отношения с Катей. Я прошу вас обещать мне это, и даже если Катя сама позвонит вам, дать ей понять недвусмысленно, не ссылаясь, разумеется, на меня, невозможность ваших встреч.

Закончив эту тираду, Семен Петрович откинулся в кресле и склонил голову, как бы приглашая меня ответить ему.

– Это невозможно, сударь, – брякнул я.

Честно говоря, я вовсе не хотел обидеть или шокировать его. Это дурацкое «сударь» вырвалось у меня само собой, нечаянно. Семен Петрович остолбенел. Он даже не рассердился, а просто не находил что сказать. Слово-то действительно вроде бы самое необидное, но какое-то неуместное и никчемное.

Воцарилась длительная пауза, в продолжение которой я смотрел в потолок, и поэтому не знаю, чем занимался Семен Петрович.

– Почему же вам это невозможно?.. – наконец сказал он и добавил: – Сударь.

Здесь у меня случилось какое-то замыкание. Меня понесло. Я и сам понимал, что несую околесицу, но остановиться не мог, и события стали разворачиваться стремительно.

– Видите ли, – начал я с пафосом, – мы, я и ваша дочь Катя, любим друг друга! Признаюсь, что с моей стороны было непорядочно столь долгое время скрывать от вас истину, но, поверьте, это получилось ненарочно. И вот теперь, когда все так счастливо открылось, я вручаю вам в руки нашу судьбу и прошу благословения!

И я чуть было взаправду не грохнулся перед ним на колени. Семен Петрович смотрел на меня с изумлением.

– Подожди, подожди, – пробормотал он. – Как ты сказал? Вы что же, решили пожениться?!

Но я прервал его:

– Наши отношения зашли слишком далеко. Я как человек благородный не могу поступить иначе и прошу руки вашей дочери!

– Что?! Что?! – промычал Семен Петрович.

– Екатерина Семеновна в положении! – воскликнул я и почувствовал, что сейчас упаду в обморок.

– Как?!

Семен Петрович вскочил из кресла и смотрел на меня, выпучив глаза. Я развел руками. Тут Семен Петрович неожиданно резко бросился ко мне и, усадив на кушетку, присел рядом. Я молчал, тяжело дыша. Семен Петрович тоже, не находя, что сказать, вытирал платком лоб.

– Так, – наконец проговорил он.

– Да-с! – повторил я запальчиво.

– Ну, ничего, ничего, – похлопал меня Семен Петрович по спине и, заметив пятно на моем плече, аккуратно отряхнул его рукой. – Это дело такое... – сказал он. – Когда же вы успели?

Я махнул рукой.

– Ладно, ладно. – Семен Петрович вздохнул. – Как же вы жить собираетесь?

– Трудности нас не пугают, – сказал я.

– Это правильно, но все же вы еще так молоды. Катя на первом курсе, и ты вот... – Он запнулся и потом осторожно спросил: – Ты поступать-то в институт думаешь?

– Высшее образование для меня не самоцель.

– Конечно, конечно... Ты, пожалуйста, не думай, я не такой уж ретроград. Высшее образование не самое важное в жизни... – поспешно заверил он меня. – Но, надеюсь, ты не собираешься всю жизнь работать курьером?

– Я сочиняю стихи, Семен Петрович, – серьезно сказал я.

– А-а... – озадаченно протянул Семен Петрович. – Это хорошо. И что же, печатаешься?

– Пока нет, – с достоинством ответил я.

– Понятно. Ну, а стихи-то получаются?

– Могу прочитать... Вот, к примеру, из последних. – Я встал и, приняв подобающую позу, с чувством продекламировал из Пушкина:

Цветок засохший, безуханный,
Забывтый в книге вижу я;
И вот уже мечтою странной
Душа наполнилась моя...

Семен Петрович слушал, рассеянно кивая головой. Когда я закончил, он сказал:

– Что ж, по-моему, недурно. Что-то напоминает, правда... Или стиль такой старомодный. А в общем, очень недурно.

Я скромно потупил голову и хотел еще что-нибудь прочитать, но вовремя опомнился и промолчал. Семен Петрович выглядел вполне удовлетворенным.

– Я, пожалуй, пойду, – сказал я. – А то поздно...

Семен Петрович улыбнулся.

– Конечно. – Он проводил меня до дверей кабинета. – Заходи. Может быть, и родителей как-нибудь пригласишь к нам...

– Непременно, – ответил я.

Мы пожали друг другу руки, и я вышел в коридор, где меня поджидала Катя. Когда я увидел ее, мне стало стыдно. Я понял, что совершил чудовищное предательство, и хотел было рассказать ей все, но у меня язык не повернулся. Чувствуя, как лицо скривила нелепая, придуманная усмешка, я пробормотал:

– Все нормально... Поговорили... о том, о сем...

Катя истолковала мою интонацию по-своему, и ее взгляд сделался озабоченным и твердым.

– Ты не расстраивайся, – сказала она. – Я тебе позвоню вечером.

Она мне действительно позвонила. Вечером, очень поздно. Я в это время сидел перед телевизором, тупо уставившись в голубой экран.

Катя говорила негромко, но очень отчетливо.

– Как же ты мог, Иван? – спросила она. – Зачем?..

И положила трубку. Если бы она сказала еще хоть одно слово, мне, наверное, было бы легче. Может быть, это только так казалось...

– Кто это? – спросила мама.

– Так... номером ошиблись.

На следующий день, отпросившись с работы, я с утра отправился к МГУ. Я поехал в надежде увидеть Катю, хотя понятия не имел, что скажу ей при встрече.

Погода в тот день переменилась к лучшему. Так бывает, когда осень в самый разгар ненастья вдруг подарит несколько солнечных и теплых дней. В университетском парке по этому поводу было многолюдно. Шурша опавшими листьями, студенты и студентки прогуливались по аллеям; вытянув ноги, сидели на облупленных лавочках, млея под солнцем, глазели по сторонам. Их безмятежное настроение быстро передалось и мне. Я уверовал, что непременно встречу здесь Катю, и это уже несколько не пугало меня. Однако, когда в третьем часу дня я действительно увидел ее, моя самоуверенность улетучилась в мгновение ока.

Катя шла по центральной аллее в компании двух молодых людей. Я обогнал их по параллельной дорожке и потом с беспечным видом, сунув руки в карманы, направился навстречу. Но за оживленной беседой Катя не обратила на меня ни малейшего внимания. Мне пришлось повторить трюк, но на сей раз, переменяв тактику, я изображал человека, погруженного в глубокое раздумье, и, устремив взгляд под ноги, как бы не видя ничего вокруг, ринулся прямо на них, рассчитывая столкнуться с Катей нос к носу. Пройдя таким образом метров сто и ни с кем не столкнувшись, я украдкой осмотрелся и не обнаружил перед собой ни Кати, ни ее кавалеров. Обернувшись, я увидел их уже сидящими на лавочке. Я пошел обратно и, минуя лавочку, где они расположились, громко запел: «Чита-грита, чита-маргарита, а-а...» На этот раз на меня обратили внимание. Один из парней сказал:

– Где-то я уже видел эту рожу... А, Валера?

– Он уже третий раз мимо нас шныряет, – сказал Валера.

Я, словно нехотя, взглянул в их сторону и встретился глазами с Катей.

– О Катя! – воскликнул я с радостным изумлением. – Привет.

– Привет, – холодно ответила Катя.

– А я вот решил прогуляться немного, – сказал я, доброжелательно улыбнувшись. – Погода хорошая.

Катя молчала. Молодые люди, никак не прояснив своего отношения к погоде, молчали также. Их угрюмые лица не предвещали ничего хорошего.

– Солнце жарит, прямо как летом, – продолжил я свою мысль.

Катя презрительно хмыкнула и, обратившись к парню, который обозвал меня «рожей», спросила:

– Что же было дальше, Илья?

– Что?

– Ну, ты рассказывал что-то интересное...

– А-а... Дальше... Мы с Митькой, значит, приходим, а они там все пьяные, валяются, кто где... – начал было Илья и тут же замолк. – Нет, – сказал он, – не понимаю, чего этот тип стоит над душой?!

– Может быть, дать ему по рогам? – предложил Валера.

– Не надо, – сказала Катя. – Это мой двоюродный брат. Он только вчера из Витебска приехал. Я ему университет обещала показать.

– Брат? – Валера был озадачен. – Какой-то он у тебя странный.

– Да, – сказала Катя, – он тронутый немного. Его в детстве с третьего этажа уронили.

Илья и Валера с любопытством посмотрели на меня, а я, изображая нервное расстройство, задрогал правой ногой. Катя поспешно подошла ко мне.

– Ладно, мальчики. Вы идите, а я покажу ему МГУ. – И Катя потащила меня по аллее. – Хватит тебе дергаться, – тихо проговорила она. – Просто шут гороховый. Вечно меня позоришь.

– Так они же смотрят, – сказал я.

Мы свернули в боковую аллею и здесь остановились.

– Зачем ты пришел? – спросила Катя.

Ее вопрос застал меня врасплох. Хотя я ожидал его с самого утра, но в какой-то момент мне показалось, будто все уладилось само собой, и теперь растерялся, не зная, что ответить. Катя смотрела на меня серьезным, внимательным взглядом.

– Я хочу извиниться перед тобой за вчерашнее, – пробормотал я.

– Хорошо, – сказала Катя. – Считаю, что я простила тебя. Это все?

Я понял, что она сейчас уйдет, и торопливо сказал:

– Нет, не все. Мне надо поговорить с тобой.

Катя пожала плечами.

– Давай присядем, – предложил я.

Мы сели на лавочку. Я был весь в напряжении и, пытаясь расслабиться, закурил. Катя, словно не испытывая ни малейшего неудобства, положила ногу на ногу, скрестила руки на груди и со скукой на лице смотрела куда-то вдаль.

– О чем ты хотел поговорить? – спросила она с иронией.

– Я тебя прошу извинить меня, – тупо повторил я. – Я больше не буду.

– Фу ты, прямо детский сад какой-то, – неприятно засмеялась Катя. Она отвернулась, потом сказала: – Ты сделал мне очень плохо, Иван. Ты не представляешь, какой разговор у меня был с родителями. Это

просто ужасно. Я не понимаю, зачем ты сделал это? Вообще я не понимаю, чего ты добиваешься? Почему ты так себя ведешь? Все время врешь, представляешься кем-то, придумываешь какие-то идиотские затеи... Зачем?

Я молчал.

– Что ты молчишь? – сказала Катя.

– Я представляю себя эстрадным певцом, – ответил я.

– Это очень похоже на тебя, – вздохнула Катя. Она помолчала и затем продолжила: – Мне кажется, Иван, что тебе пора повзрослеть. Что бы мы там ни говорили, но родители в результате правы. Пора устраивать свою жизнь. Надо действительно учиться, много работать, а не витать где-то в облаках.

Она говорила спокойно, не спеша, с убежденностью человека, абсолютно уверенного в своей правоте. Даже тембр голоса ее незаметно переменялся. И я с удивлением взглянул на нее, желая убедиться, что со мной говорит семнадцатилетняя девушка, а не обремененная житейским опытом взрослая женщина.

– Мужчина должен работать, делать карьеру. И для этого надо быть сильным и целеустремленным. А ты какой-то... – Она прервалась. – С тобой иногда бывает интересно, но со временем, я думаю, это пройдет...

Ее самоуверенный тон и поучающая интонация разозлили меня. Едва сдерживаясь, чтобы не вспылить, я проговорил:

– С какой стати, интересно, ты мне нотации читаешь? Преподносишь мне свои дурацкие прописные истины, да еще с таким видом, будто сама додумалась до этого? Я что, против работы, что ли? Или против карьеры? Да я такую карьеру могу сделать! С моими-то данными!..

– Ну, сделай, – ядовито предложила Катя.

– Ну и сделаю!.. Если захочу. А может, я не хочу...

– Врешь, – сказала она. – Хочешь. Только это не так просто.

– Да ты сама-то о чем думаешь, интересно?

– Я?.. – Катя помолчала. – Ну, знаешь, женщина – это совсем другое, чем мужчина. Хотя, конечно, и она должна учиться, работать и быть самостоятельной. Но все же для женщины главное – семья. Чтоб был хороший, положительный муж, дети и вообще...

– Чего вообще?

– Ну, какой ты! Ну вообще чтобы все было нормально.

– Вот ты сама и врешь, – сказал я. – Совсем не об этом ты думаешь.

– Об этом, – упорствовала Катя.

– Нет, не об этом! – Я схватил ее за плечи и крепко встряхнул. – Ну, скажи честно, ведь не об этом же, – проговорил я.

– Пусты! – Катя вывернулась из моих рук и с оскорбленным видом отодвинулась на лавочке.

– Катя, – позвал я. Она бросила на меня негодующий взгляд, но глаза ее уже стали теплыми и веселыми. Губы дрогнули и улыбнулись.

– Я о таком думаю, – сказала Катя, – что если мой папа узнает, он просто в обморок упадет. – Она огляделась по сторонам, как будто нас могли подслушивать, и заговорила, понизив голос: – Я представляю,

как еду в машине. Знаешь, такая красивая спортивная машина... На мне очки от солнца и длинный шарф алого цвета... или голубого... – Катя на минуту задумалась, как бы прикидывая, какой цвет ей выбрать, и продолжала: – В машине играет магнитофон, а на сиденье рядом собачка – маленькая, беленькая, пушистая. И все молодые люди так заискивающе заглядываются на меня, а я еду и в ус себе не дую. И обязательно солнечная погода. И еще... У меня такие здоровые, ослепительные зубы, как на коробках от зубной пасты. Вот...

Катя со смущением посмотрела на меня и, отвернувшись, рассмеялась.

– Здорово, – сказал я.

– Глупо ужасно. Я понимаю. Какая-то пошлость... Но иногда так хочется!.. А ты, – спросила Катя, – ты действительно хотел бы быть эстрадным певцом?

– Да нет, это я так... Иногда я, правда, представляю себя кем-нибудь очень популярным – эстрадным или даже оперным певцом, киноартистом или спортсменом, но чаще всего придумываю какое-нибудь приключение, в котором мог бы участвовать сам, таким, какой есть. К примеру, поздно вечером я возвращаюсь домой. Троллейбусы и автобусы уже не ходят, и я спокойно иду посередине проезжей части. Вдруг сзади слышу: «Вз-з-з!» Визг тормозов... Оборачиваюсь и вижу шикарнейшую спортивную машину и в ней – такую женщину! Супер! На ней длинный шарф не то алого, не то голубого цвета, и на сиденье рядом магнитофон, и тут же собачка – такая беленькая, пушистенькая. И это такая роскошная картина, что со всеми мужиками, которые идут мимо, просто катастрофа. Они штабелями ложатся под колеса и заискивающе ждут, пока их переедут. Но я так небрежно спрашиваю: «В чем дело, мадам? Что вы гоняете по ночам, как сумасшедшая?» А она в ответ: «Не хотите ли, чтобы я вас подбросила до дома?» А я: «Да нет, увольте. В это время суток я предпочитаю пешую прогулку. Так что, извините и адье!» Спокойно поворачиваюсь к ней спиной и не спеша ухожу прочь...

– Неужели не сел бы? – смеясь, прервала меня Катя.

– Ни за что! – с важностью ответил я.

– Врешь! – не верила Катя.

– Не врешь!

– Ладно, – сказала она. – Тогда я не остановлю свою машину, если встречу тебя поздно вечером.

– Да, если бы нас сейчас слышали родители, они наверняка бы решили, что мы конченные люди, – проговорил я.

Катя нахмурилась.

– Все же ты по-свински поступил, – сказала она.

– Я же не отрицаю...

– Мне от этого не легче...

– Ну хочешь, я поеду к твоим родителям и извинюсь перед ними? – предложил я. – В эту же субботу поеду... – Я вопросительно взглянул на нее: Катя молчала, задумавшись.

Солнце уже спустилось за горизонт, оставив воспоминанием о себе розовые пятна на пенной гряде облаков. Воздух стал свежим и прохладным. Вечер, крадучись, шел по земле.

Мама вышла из кухни и, опершись плечом о стену, смотрела, как я переодеваюсь в прихожей. Руки у нее были по локоть в муке, и она держала их на весу, пальцами вверх, как хирург перед операционным столом.

– Там тебе отец письмо прислал и подарок какой-то, – сказала она.

Я вошел в комнату и увидел на столе длинный, аккуратно упакованный в бумагу предмет и конверт рядом с ним. Мама, последовав за мной, остановилась в дверях и наблюдала, как я распечатываю конверт. Она никогда не читала писем, которые присылал мне отец, демонстрируя таким образом свое полнейшее равнодушие к его судьбе. С тех пор, как они развелись, мама постоянно подчеркивала мое право иметь с отцом собственные отношения и просила уволить ее от участия в них. Поэтому, когда я начинал вслух читать его письма, ее лицо приобретало выражение скуки и безразличия. Меня это раздражало и даже злило, потому что я чувствовал неестественность в ее поведении и про себя был уверен, что она ужасно хочет слышать эти письма.

Я обнаружил в конверте не письмо, а открытку. На ней был изображен покрытый причудливыми татуировками негр. В победно поднятой руке он держал копье, а ногой наступал на тушу огромного буйвола, распростертую на земле. На обратной стороне открытки я прочел: «Здравствуй, старина! У нас здесь жара адская. Недавно побывал в саванне и видел, как охотятся настоящие масаи. Жутко интересно. Их вождь подарил мне свое копье. Замечательный мужик. Настоящий Геркулес и к тому же умница. На открытке, конечно, не он – это реклама, – но все же что-то похожее есть. Как дела? Успехи? Скоро приеду в отпуск – обязательно повидаемся. Привет маме. Пиши. Папа».

– А это, надо полагать, и есть то самое копье, которое подарил вождь? – с сарказмом произнесла мама, выслушав меня.

Это было действительно копье. Длинное, с толстым тяжелым древком, покрытым узорчатой резьбой, и узким железным наконечником. Я взял его в правую руку и поднял над головой.

Я едва расслышал ее слова. Тяжесть копья сладкой усталостью застыла в плече, острый, гладко отполированный наконечник покачивался в воздухе, тая мощь смертоносного удара. Сжимая пальцами шершавое древко, я увидел выгоревшую саванну под расплывшимся шаром солнца. Черные узкобедрые фигуры воинов утопали по пояс в желтой траве, в густом кустарнике над высохшим руслом реки притаился леопард, высоко в небе, раскинув крестом крылья, повис гриф. Все замерло. Ни малейшее движение, ни единый звук не нарушали гармонию этого видения. И только вздох, вдруг вырвавшийся из глубины трав, мелькнул тихим шелестом в раскаленном воздухе и угас.

– Да, он всегда любил такие игрушки, – донесся до меня голос мамы. – Они будили его воображение...

Гриф дрогнул и скользнул вниз. Блеснули наконечники копий в руках воинов, и яростный рык разбил утомленную тишину. Пятнистое тело вознеслось над саванной, коснувшись лапами расплавленного обода солнца, и... И в следующее мгновение я с силой метнул копье.

Узкое лезвие наполовину вошло в полированную дверцу шкафа, и копье протяжно заныло, покачивая древком в воздухе.

– Ты что? – крикнула мама, бросившись ко мне. – Ты что делаешь?

И осеклась. Я закрыл лицо руками и сел на стул. Меня била дрожь. Мама обняла меня за плечи и прижала к себе.

– Ну что ты, Ванечка? – заговорила она. – Успокойся, милый мой. Ну, что с тобой? Это я во всем виновата... Я... Прости меня...

– Нет, нет, – бормотал я в ответ. – Это я сам... Сам... Прости меня, мама...

До конца недели я не виделся с Катей. Несколько раз мы с ней разговаривали по телефону, но в беседах этих, носивших самый будничней характер, ни я, ни она ни словом не обмолвились о моем

обещании объяснить с ее родителями. Между тем я помнил и постоянно думал о нем.

В субботу после обеда я, тщательно одетый, вышел из дома. По дороге я заехал в цветочный магазин и, завладев большим букетом алых гвоздик, отправился к профессору Кузнецову.

Дверь мне открыла Катя. Но за ее спиной я увидел всю семью Кузнецовых во главе с Семеном Петровичем. Одеты они были по-праздничному, на лицах сияли улыбки. Казалось, будто они только и делали весь день, что ждали меня. Я, совсем не готовый к такому торжественному приему, ступешался.

– Ну, наконец-то... – двинулся ко мне, раскрыв объятия, профессор и внезапно остановился. Лицо его вытянулось, улыбка сбежала прочь.

– Что за черт! – воскликнул он, всматриваясь в меня. – Иван?!

Его супруга и мать переглянулись. Катя, словно судья на ринге, поспешно отступила в сторону. Собравшись с духом, я выбросил вперед правую руку, в которой держал букет цветов, и выпалил:

– Уважаемые Семен Петрович, Мария Викторовна, Агнесса Ивановна и ты, Катя, я прошу вас извинить меня за тот случай, когда... когда... – Я запнулся, не находя нужных слов, и вместо продолжения энергично встряхнул цветами под носом профессора.

Семен Петрович, часто заморгав, перевел взгляд на букет, потом посмотрел на своих домочадцев, не менее его озадаченных моим появлением, и вдруг громко расхохотался. Он взял цветы, передал их супруге, затем схватил меня под локоть и буквально втащил в прихожую.

– Ну, здравствуй, герой! – сказал он. – Вот уж не ждали!.. Что ж, раз пришел, раздевайся, проходи, гостем будешь. – Он опять засмеялся и добавил: – Кто старое помянет, тому глаз вон. Катя, – обратился он к дочери, – вот и для тебя кавалер нашелся.

Мария Викторовна с улыбкой протянула мне руку.

– Проходите, Ваня, – сказала она с симпатией. – У нас сегодня гости...

– Вы, как всегда, вовремя, – прервала ее Агнесса Ивановна, но, несмотря на некоторую язвительность своего приветствия, тоже подала мне узкую сухую ладошку.

Я, окончательно потерявшись, пытался возражать, ссылаясь на отсутствие времени, но профессор был неумолим и не желал слушать никаких возражений.

Катя провела меня в гостиную. Там, вдоль одной из стен, стоял накрытый белой кружевной скатертью стол с закусками и напитками.

– У нас а ля фуршет, – сказала Катя, когда мы присели на диван. – Хочешь чего-нибудь?

– Спасибо, я обедал недавно.

– А яблоко?

– Яблоко давай...

Катя подошла к столу, выбрала в хрустальной вазе с фруктами большое красное яблоко и принесла его мне.

– Я не ожидала, что ты придешь, – сказала она. – Ты бы мог позвонить...

– Я хотел, но потом решил, что лучше так... Сразу покончить с этим делом, и точка.

– В общем, правильно, – согласилась Катя. – Очень удачно все получилось.

В дверь позвонили. Из прихожей донеслись оживленные голоса и смех. Появились гости. Солидные, хорошо одетые люди с улыбками здоровались с хозяевами, подходили к столу, накладывали в тарелки

закуску. Дамы располагались в удобных мягких креслах; мужчины, образовав группки, беседовали друг с другом. Семен Петрович суетился меж них, разливая напитки. Мария Викторовна занималась с женской частью общества. Агнесса Ивановна восседала в гордом одиночестве, время от времени величественно кивая головой, как бы одобряя и подбадривая гостей. Прозвучали тосты. Сперва общие: «За встречу» и «За дам». Потом частные: «За оплот науки – Семена Петровича!», «За создательницу этого прекрасного стола – Марию Викторовну!» и так далее. Мы с Катей сидели тихо, как мышки. К нам иногда обращались с вопросами. Мы отвечали на них. Как мы учимся? Хорошо. Сложная в МГУ программа? Сложная. Почему мы не кушаем? Мы кушаем.

Все шло своим чередом и не предвещало никаких осложнений. Кто-то предложил тост: «За Катю!» Гости с готовностью сдвинули бокалы, но Семен Петрович остановил их.

– Минуточку, – сказал он, подойдя к нам. – Мне хотелось бы, чтоб этот тост прозвучал так: «За Катю... и за Ивана!» – Движением руки он поднял меня с места и представил гостям: – Вот Иван, самый большой оригинал из всех друзей моей дочери, с кем мне доводилось общаться...

Неожиданно попав в центр внимания, я был сильно смущен и, кажется, покраснел. Гости заулыбались, с любопытством оглядывая меня, словно ожидая, что я немедленно докажу справедливость слов профессора, а одна интересная дама спросила:

– Что же, это тот самый молодой человек, о котором вы недавно так смешно рассказывали?

– Он, он самый, – весело ответил Семен Петрович и продолжал, обращаясь уже ко всему обществу: – Недавно, например, он объявил мне, что сочиняет стихи, и в качестве доказательства преподнес несколько строк из Пушкина. А я, представьте, купился на этот фокус, как первоклассник.

Он хлопнул меня по плечу и захохотал. Гости тоже засмеялись, а интересная дама сказала:

– Да, молодежь нынче любопытная.

– Вот именно, именно, – подхватил Семен Петрович. – Любопытнейшая у нас молодежь. С ней надо говорить, надо общаться!

– Да уж, ты много общаешься! – засмеялась Мария Викторовна. – Только и знаешь, что работа, работа, работа.

– Каюсь, каюсь! – Семен Петрович поднял руки вверх, как будто собирался сдаваться в плен, и, озорно подмигнув мне, добавил: – Поэтому и попал впросак!

– Это действительно так, – вздохнула интересная дама. – Наступает день, когда нам становится трудно понимать своих детей. Вот скажите мне, Ваня, – повернулась она ко мне. – У меня дочь целыми днями слушает этого певца греческого... Как его? Денис Рус, что ли?..

– Демис Руссос, – поправил ее коренастый мужчине со сладким, как сироп, выражением лица.

– Да, да, Демис Руссос, – сказала интересная дама. – Так вот, я спрашиваю ее: «Настя, ну что ты одно и то же слушаешь? У тебя так много других пластинок». А она говорит: «Демис Руссос положительно влияет на женские гормоны». Представляете?

– Ха-ха-ха! – захохотал коренастый мужчина. – Сколько же лет вашей дочери?

– Пятнадцать.

– Ха-ха! Пятнадцать! Молодец! – веселился коренастый.

– Вам смешно, – обиженно продолжала дама. – Но что же это такое?! Ведь у нас роскошная библиотека, много редких и ценных книг. Читай на здоровье! Но она ничегошеньки не хочет... Придет из

школы, кое-как уроки сделает, включит своего Руссоса и слушает до вечера.

– Это у них называется «балдеет», – радостно объяснил коренастый.

– А я так думаю, – заявил подтянутый, худощавый мужчина. – И вы, Семен Петрович, и вы, Анна Васильевна, – он кивнул интересной даме, – все усложняете. По-моему, все дело в избалованности. Нынешние молодые люди живут слишком легко, без трудностей. Это банально, но факт. Меня, к примеру, отец порол до семнадцати лет. Крепко порол, и что же? Я его только уважал за это. Жили мы в маленьком провинциальном городе, семья была большая, и сюсюкать с нами родителям было некогда. И ничего, выросли, все в люди вышли и к отцу с матерью, теперь покойным, всегда относились с любовью и почтением.

И он залпом выпил рюмку коньяку, которую в продолжение всей тирады держал в руке.

– Ну, с этим можно поспорить, – вмешалась пожилая дама. – Молодежь разная бывает...

– А-а, все одно, – махнул рукой подтянутый, который успел уже хлопнуть вторую рюмку. – Конечно, есть разные группы и категории молодых людей. Но я вот наблюдаю своего сына. Он у меня спортсмен и вообще хороший парень. Сын есть сын, и плохого о нем я никогда не скажу. Но любит, понимаете, пить молоко из банки. Знаете, такие желтые банки с концентрированным молоком. У них на этикетке еще корова изображена... Я ему, значит, говорю: «Зачем ты пьешь молоко неразбавленным? Оно ведь жирное. Его разбавлять надо». А он в ответ: «Люблю такое, неразбавленное». Любит, понимаете, он...

– О-о, это старая песня, – засмеялась Мария Викторовна. – Получается, если нам было тяжело, то пусть и им будет так же? Глупо!

– Наверное, глупо, – согласился подтянутый, наливая себе третью рюмку. Он хотел еще что-то сказать, но замешкался, выбирая на столе закуску, а в это время в беседу вступила Агнесса Ивановна, до того молча сидевшая в кресле и глазевшая по сторонам, как в зоопарке.

– У нас прекрасная молодежь! – объявила она, – Да, прекрасная! Есть, конечно, некоторые типы... – добавила она, презрительно взглянув в мою сторону. – Стиляги! Но это – исключение, подтверждающее правило. А основная масса молодежи у нас превосходная и, можно сказать, героическая. Я каждый день смотрю телевизор и, поверьте, очень хорошо знаю нашу молодежь.

Агнесса Ивановна гордо вскинула голову и обвела всех грозным взглядом, как бы предлагая с ней поспорить. Но спорить с ней никто не стал, а Семен Петрович согласно закивал и бодро сказал.

– Все верно. Это безусловно. Но проблемы, конечно же, есть. Бояться их не надо, а надо о них говорить и решать.

Гости единодушно выразили согласие с выводами Семена Петровича, и, таким образом, казалось, что тема разговора вполне исчерпана, однако подтянутый мужчина, сливая в рюмку остатки коньяка, проговорил словно сам себе, но достаточно громко:

– А молоко-то он все равно пьет из банки. Хоть кол на голове теши!

Все с беспокойством переглянулись, чувствуя, что правила игры нарушены и вечер готов выйти из-под контроля. Анна Васильевна неестественно рассмеялась и, стараясь разрядить обстановку, спросила в шутовском тоне:

– Ну что вы, Олег Николаевич, так расстраиваетесь? Далось вам это молоко!

– Да, далось, далось! – уже не сдерживаюсь, воскликнул Олег Николаевич. – Здоровый, как бык! Кулаки – по пуду каждый, бицепсы – с полметра. Дзюдо занимается... Сделает дырку в банке и сосет, сосет себе молоко. А кругом хоть потоп! Когда говоришь с ним, молчит. Ни да, ни нет – ничего! Выслушает,

промолчит и новую банку протыкает!.. – Олег Николаевич открыл другую бутылку коньяка. – Учится – абы как! Работать не желает! Может быть, чемпионом по этому своему дзюдо хочет стать?! Тоже не хочет! Я спрашиваю: «Зачем же тебе эти твои бицепсы, трицепсы, двуглавые мышцы? Зачем? Что ты хочешь сделать ими?» И знаете, что он сделал? Взял в руку банку и раздавил ее. В лепешку! И говорит: «Ты так не можешь». И все. Я вас спрашиваю теперь: что это такое?

Олег Николаевич обвел общество вопросительным взглядом. Семен Петрович подошел к нему и дружески взял под локоть.

– Успокойся, Олег, – проговорил он. – Я думаю, ты преувеличиваешь. Я же знаю твоего сына, отличный парень. Ты слишком строг к нему.

– Брось ты, Семен! – махнул рукой Олег Николаевич. – Я хочу одного – мне надо знать, что он хочет. Я хочу знать, кого я вырастил. Я на это имею право. Пусть он скажет мне: «Ты старый выживший из ума осел. Ты прожил неправильную жизнь. Я буду жить по-другому». Пусть так скажет – я пойму. Пусть совсем уходит из дома. Но он молчит! Пользуется всем и молчит!..

Это возрастное, – сказала пожилая дама. – Мы с мужем тоже пережили нечто подобное. Знаете, этот момент возмужания у мальчиков, я даже не имею в виду физиологические аспекты, протекает очень болезненно. Наш сын тоже был замкнутым и нелюдимым. А теперь окончил институт, поступил в аспирантуру. Стал активен, деловит, и сейчас его направили на шестимесячную стажировку в Италию, откуда он пишет нам трогательные и нежные письма.

В тоне пожилой дамы прозвучало нескрываемое чувство гордости и превосходства. Олег Николаевич даже как-то сник после ее слов, а Семен Петрович, почуяв возможность переменить тему вечера, провозгласил тост: «За молодежь». Все с удовольствием выпили по этому поводу, и Олег Николаевич тоже выпил и слегка пошатнулся. Мария Викторовна пригласила его присесть, но он отказался. А Семен Петрович между тем объявил:

– Товарищи, я надеюсь, вы простите мой отцовский эгоизм, если я сейчас попрошу свою дочь что-нибудь спеть для нас?

– Прекрасно, – томно проговорила Анна Васильевна.

– Па-апросим, – вкрадчиво захлопал в ладоши коренастый.

– Отлично, – решил Семен Петрович и повернулся к Кате. – Катюша, давай-ка «Соловья» алябьевского... Она, знаете ли, прекрасно поет «Соловья»! – пояснил он, не замечая угрюмого взгляда, которым наградила его Катя.

В этот момент Олег Николаевич оттолкнулся плечами от стены, прислонившись к которой он стоял, нетвердой походкой пересек комнату и остановился передо мной.

– Вот вы, молодой человек, можете мне сказать, что вы хотите? О чем вы, так сказать, мечтаете? – громко спросил он.

Я, не ожидавший такого поворота, растерялся.

– Что такое? Что такое? – мигом подскочил к нам Семен Петрович. Он был явно раздосадован. – Перестань, Олег.

– Но почему, Семен? – удивился Олег Николаевич. – Я просто хотел узнать, о чем мечтает этот молодой человек. В конце концов, если он не захочет ответить, это его право.

– Это уже становится забавным, – проговорила пожилая дама. – У нас сегодня просто какой-то социологический вечер получается.

– Ты задал безусловно важный и интересный вопрос, Олег, – сказал Семен Петрович. – Однако он требует гораздо более серьезной обстановки. Поэтому я предлагаю отложить его сейчас...

– Действительно не стоит, Олег, – пробормотал коренастый мужчина. – Пусть лучше Катя споет «Соловья».

– Я хочу сказать, – вдруг громко произнесла Катя. Все замолчали и взглянули на нее. Катя поднялась с дивана, нервно теребя пальцами пояс своего платья. – Я хочу сказать, о чем я мечтаю, – твердо повторила она.

– Не надо, Катюша, – попыталась остановить дочь Мария Викторовна. Но Катя не обратила никакого внимания на ее слова.

– Я мечтаю быть очень красивой, чтобы нравиться всем мужчинам и чтобы самой всех презирать!.. – сказала она,

Наступила тишина. Все опустили лица, на которых застыли натянутые улыбки.

– И еще я хочу, – продолжала Катя, – ехать, в красивой спортивной машине, и чтобы на мне был длинный алый шарф, а на сиденье рядом – магнитофон и маленькая белая собачка... – Она запнулась и добавила: – Это честно...

Все молчали, и Катя опять села на диван. На щеках у нее выступили красные пятна, но глаза были спокойные. Тишина в комнате становилась угнетающей. Об этом поведали звуки, которые обычно никто не замечает: тиканье часов, скрип паркета.

– Ну что ты, Катенька? – проямлил Семен Петрович.

– Я предполагаю, что моя дочь мечтает примерно о том же, – с состраданием в голосе проговорила Анна Васильевна.

– Все это ерунда! – убежденно сказал коренастый. – Дух противоречия. Не более. Я ничего другого не ждал.

Олег Николаевич налил себе очередного коньяку и разумеется, выпил его. Остальные гости впали в состояние меланхолической грусти. Лица их сделались скорбными, будто они сидели у постели тяжело больного человека.

Тогда Катя вдруг встала и решительно направилась к роялю.

– Я, пожалуй, действительно сыграю, – объявила она, усаживаясь перед ним. – А то сидим, как на похоронах.

– Ты хочешь сыграть? – вяло сказал Семен Петрович и обвел взглядом всю компанию.

– Разумеется. Ты же говорил... Значит, «Соловья»? – спросила Катя и сама же ответила: – Ну, конечно, «Соловья»!

Она мягко коснулась пальцами клавишей и заиграла вступление. Я взглянул по сторонам и с изумлением обнаружил, что все слушают ее с каким-то, я бы сказал, нервическим, остервенением. Тревога, ожидание чего-то, что непременно должно грянуть, взорваться, перевернуть все разом вверх дном, застыли на лицах. Наверное, в былые времена у солдат перед атакой были такие же напряженные и азартные лица.

Катя закончила вступление и запела тоненьким голосом:

– Соловей мой, соловей,
Ты мой чертов Бармалей!..

Никто ничего сперва не понял, но Катя повторила:

– Соловей мой, соловей! Чтоб ты сдохнул, Бармалей!

– Что? – растерянно пробормотала Мария Викторовна.

Катя перестала играть и повернулась к нам лицом. Она оглядела всех спокойно, деловито, будто ученый, проверяющий результат эксперимента, и сказала:

– Я этого «Соловья» с пяти лет играю и пою. Как к нам гости – так тут и я со своим «Соловьем»! Меня уже тошнит от него, ей-богу... Я, если бы он мне попался, этот «Соловей», его на медленном огне изжарила бы!.. Как вы считаете, ребята?

Она опять обвела взглядом гостей. Но оторопевшие «ребята» были как после апоплексического удара. Никто из них не смог вымолвить ни слова.

– Ну, ладно, – покровительственно улыбнулась Катя. – Сейчас я вас немножко развеселю. Сейчас я вам мою любимую сбацаю... – Она лихо крутанулась на своем стульчике и заиграла мотив, который я тут же узнал. Слова были тоже знакомые.

– Жил на свете козел.
Не удав, не осел,
Настоящий козел,
С седой бородой... Ме-ме-е!..

– спела Катя и еще даже присвистнула.

Я не выдержал и прыснул. На меня посмотрели, как на идиота. А Катя продолжала:

– Старый кретин
Любил свэ-э-эжайшую морковку!
Ра-ра-ра!..

– Да ты что делаешь, Екатерина?! – вдруг рявкнул Семен Петрович. – Прекрати немедленно!

Тут все общество разом вышло из оцепенения. Олег Николаевич громко расхохотался, в результате чего опрокинул себе на брюки тарелку с салатом. «Черт!» – выругался он. Глаза Марии Викторовны наполнились слезами, и она закрыла лицо ладонями. Агнесса Ивановна выставила тощую руку и закричала, указывая пальцем на меня:

– Это все он виноват! Его влияние! Я предупреждала!.. Предупреждала!..

Катя же в ответ что было сил ударила по клавишам и затынула не своим голосом:

– Бе-е! Хряп-хряп! Бе-е!

Семен Петрович с прытью, неожиданной для его внушительной фигуры, подскочил к роялю, сбросил Катины руки с клавиатуры и с шумом захлопнул крышку. Катя уронила голову на грудь, тихо всхлипнула и вдруг стремительно выбежала из комнаты. Секунду я сомневался, а потом кинулся следом.

Я догнал Катю только на улице. Она вбежала на бульвар, села на скамейку и заплакала. Я набросил на ее плечи свою куртку и присел рядом. Катя никак не ответила на мой жест и продолжала всхлипывать. Так мы просидели долго.

Я слушал бормотание ветра в голых кронах деревьев, шум автомобилей, мелькавших за низкой чугунной оградой, невнятные голоса редких прохожих. Вечер выдался сырой и холодный. Он забрался мне под свитер, потом под рубашку, коснулся кожи и отпрянул, словно не верил своей удаче, потом коснулся

смелей, крепко обхватил тело длинными мокрыми пальцами и дерзко полез внутрь, к самому сердцу, которое качало и качало кровь, гнало ее по артериям и венам. Я прислушался к его равномерным ударам и, положив палец на запястье, подсчитал пульс. Получилось – семьдесят. Я прикинул, сколько это будет в час и в сутки. Потом – в год. Полученное число помножил еще на семьдесят.

Катя уже не плакала и сидела, устремив неподвижный взгляд в землю. Наконец она повернулась ко мне. Было уже совсем темно. Свет уличного фонаря обвел темными кругами ее глаза и спрятал в густой тени половину лица.

– Замерз? – спросила она.

– Да нет, ничего, – бодро ответил я.

– Прости меня. Возьми... – Она начала стаскивать с плеч мою куртку, но я остановил ее.

– Не надо, мне не холодно, – сказал я. – Знаешь, пока мы сидели здесь, я сосчитал, сколько ударов совершает человеческое сердце в течение всей жизни.

– Ну и сколько же? – равнодушно спросила Катя.

– Много. При пульсе семьдесят ударов в минуту и, если принять продолжительность жизни в семьдесят лет, получается 2 575 440 000 ударов.

– Пульс не бывает постоянным, – сказала Катя. – Это же в среднем.

– В среднем – много.

– Порядочно, – согласился я. – 4200 ударов в час, 100 800 – в сутки... Короче, миллионов по шестьсот мы с тобой уже отстучали...

– Что же мне делать теперь? – спросила Катя.

– Не знаю, – ответил я.

– Я не могу идти домой, – сказала Катя.

– Что же ты, так и будешь жить на этой лавке?

– Да, – согласилась Катя. – Так и буду.

Я увидел профессора Кузнецова. В густой тени деревьев, словно надеясь, что его не заметят, он шел медленно и осторожно. Когда Семен Петрович остановился в двух шагах от нас, я встал. Катя осталась сидеть, сжавшись в комок, стараясь не смотреть на отца. Неловкость ситуации была очевидна. Семен Петрович снял с ее плеч куртку и накинул на них пальто, которое принес с собой. Куртку он вернул мне: «Спасибо». Потом присел на краешек скамейки и достал из кармана сигареты. Заметив, что я все еще стою, кивнул: «Садись, Иван». И, распечатав пачку «Явы», предложил мне сигарету. Мы закурили, но после первой же затяжки Семен Петрович отчаянно закашлялся и, скомкав сигарету, отбросив ее в сторону, проговорил извиняющимся тоном:

– Не получается. Я ведь не курил никогда... Так, побаловаться решил...

Катя сидела неподвижно, втянув голову в плечи. Семен Петрович откашлялся в кулак и деликатно провел ладонью по ее волосам.

– Ничего, Катюша, – сказал он тихо. – Ничего. – Он привлек ее к себе, и Катя уткнулась лицом ему в грудь. – Гости разошлись. Надо идти домой.

– Я не могу, папа, – глухим голосом произнесла Катя. – Не могу. Мне так плохо... Если бы ты знал...

– Я понимаю, понимаю, – сказал Семен Петрович. – Видишь, какая она – наша жизнь? Не знаешь, с

какого конца ударит... – Он вздохнул и добавил: – Все равно ведь никуда не спрячешься...

– Как мне быть теперь, папа? Как быть?

– Ничего, все пройдет, Катюша... Пойдем домой... Поздно уже...

Они встали. Семен Петрович подал мне руку и сказал:

– До свиданья, Иван. Мы пойдем теперь... Но ты не пропадай! Обязательно звони.

– Обязательно позвоню, – обещал я, отвечая на рукопожатие.

Семен Петрович дружески похлопал меня по плечу.

– Эх вы, молодые, зеленые! – отечески произнес он. – Ничего, перемелется – мука будет.

– Конечно, будет, – согласился я.

Семен Петрович улыбнулся и потянул Катю за рукав.

– Пойдем, Катюша.

Катя исподлобья взглянула на меня. Не знаю почему, но в тот момент я вдруг ясно понял, что мы никогда больше не увидимся с ней. Я понял также, что и она думает об этом.

– До свиданья, Катя.

– До свиданья, Иван.

Я смотрел им вслед. До тех пор, пока их фигуры не растворились в темной глубине бульвара. Был двенадцатый час ночи.

Сергей Степанович Воробьев несколько не удивился моему позднему визиту. Напротив. С укором в голосе он проговорил:

– А я уже думал, что ты не придешь. Что ж ты?

– Я не мог. Занят был, – ответил я.

– Ладно... Ты как раз вовремя... – сказал Воробьев.

Последовав за ним, я вошел в знакомую комнату, и свет не скрытой абажуром лампы ослепил меня после темного коридора. Сергей Степанович миглом выключил ее и, пройдя к окну, отворил его настежь. Холодный свежий воздух, словно вода в пробоину тонущего корабля, потоком ворвался в комнату. Озадаченный происходящим, я хотел было спросить, что все это значит, но Воробьев, будто догадавшись, приложил палец к губам и поманил меня к окну. Я подошел.

– Смотри – ровно в полночь... Вон то окно – напротив, – шепотом произнес он, указывая в сторону противоположного дома.

Я взглянул на часы – до полуночи оставалось не более двух минут. Улица под нами казалась бездонным ущельем. Редкие фонари плыли над мостовой. Где-то шумели моторами автомобили. Мне стало не по себе. Я почувствовал, как бешено забилося в груди сердце, и подумал, что сегодня оно перевыполнит свою норму ударов.

Но в то же мгновение, забыв обо всем на свете, я увидел, как засветилось окно напротив.

– Вот, смотри, – схватил меня за руку Сергей Степанович и, сейчас же бросив ее, припал животом к подоконнику.

Свет был неяркий, бледно-зеленый. Как в море на небольшой глубине или в аквариуме. Мне даже почудилось, что сейчас откуда-нибудь сбоку, из-за стены, выплывут золотые рыбки с черными хвостами. Но

рыбки не выплыли. Вместо них появилась женщина в голубом платье с гусиным пером в правой руке. Она показалась мне хрупкой и прекрасной, как фарфоровая статуэтка. Не спеша прошла она по комнате и присела к столу у окна, так что лицо ее теперь было обращено к нам. На столе лежали листы бумаги, и, обмакнув перо в невидимую чернильницу, она записала что-то на одном из них. Потом, отставив руку с пером в сторону, женщина подняла лицо и задумалась. Ее волосы рассыпались по плечам, и, хотя увидеть ее глаза на таком расстоянии казалось невозможным, мне почудилось, что они направлены прямо на нас.

– Какая красивая! – непроизвольно вырвалось у меня.

– Инопланетянка, – лаконично и уверенно пояснил Сергей Степанович.

– Как – инопланетянка? – удивился я.

– Ну, как, как? Как бывает? Очень просто.

– Что же она здесь делает? – настаивал я.

– Ничего не делает, – проговорил Воробьев, не отрывая глаз от незнакомки, и продолжал: – Их корабль потерпел крушение. Все члены экипажа погибли. Только она спаслась. Приняв образ земной женщины, она загипнотизировала начальника паспортного стола и, получив московскую прописку, поселилась в этой квартире. Каждый вечер, ровно в полночь, пытается выйти на связь со своими, чтобы они прилетели и увезли ее отсюда к чертовой бабушке. Да, видать, что-то у них там не срабатывает.

Я, прямо скажем, сильно усомнился в версии Сергея Степановича. Но он изложил ее столь решительным тоном, что я не отважился ему возражать. Правда, я все же обронил неуверенную фразу:

– Кажется, рассказ такой был. Фантастический...

Но на это Сергей Степанович ответил:

– Жизнь неизмеримо мудрее и неожиданней любой фантастики! – И он хотел еще что-то добавить, но тут его прервал хриплый голос из соседнего окна:

– Чего ты там плетешь, Степанович?! Какая инопланетянка?! Начальника паспортного стола загипнотизировала!!! Поди загипнотизируй, его! Тебя так загипнотизирует! Трехнутая она – вот кто! Ино-опланетянка!!! Смех!

Воробьев даже опешил на мгновение, а потом закричал:

– Синицын? Ты? Ты чего? Ты куда смотришь?!

– Туда же, куда и ты, – рассудительно ответил Синицын. – Я уже с полгода это оконце караулю. Все жду – может, она свет позабудет выключить, когда раздеваться начнет. Баба уж больно хороша!

– Как не стыдно! – вдруг заверещал тонкий женский голосок из окна справа. – Как не стыдно такое говорить! Как вас земля только носит! У женщины несчастье: несколько лет назад погиб любимый человек – полярный летчик, – спасая пропавшую экспедицию, пожертвовал собой ради других. У нее осталось подвенечное платье, которое она надевает каждую полночь и пишет ему письма... А вы такое говорите!

– Вот те на! – воскликнул Сергей Степанович и высунулся так, что чуть не вывалился из окна.

Но в ответ откуда-то уже совсем издали мужской голос решительно объявил, что все это чепуха, что женщина поэтесса и пишет в полночь гусиным пером для вдохновения.

– Это Белла Ахмадулина! – безапелляционно заявили откуда-то снизу.

– Здравствуй, я ваша тетя! – возмутились наверху. – Ахмадулина совсем в другом районе живет. У нее семикомнатная квартира и дача в Крыму.

– А вы-то откуда знаете? – не отступался нижний.

– От верблюда, – заявил верхний, и там послышался смех, видимо, домочадцев, которым пришлось по душе удачный ответ их сожителя.

– Что, в одной клетке с ним сидели? – не растерялся его оппонент, и настала очередь нижнего этажа рукоплескать остроумию своего представителя.

Я посмотрел на Сергея Степановича. Он стоял, в задумчивости облокотившись на подоконник, прислушиваясь к голосам соседей. Мне показалось, что он обескуражен их полемикой, и, пытаясь приободрить его, я сказал:

– Вообще-то она очень похожа на инопланетянку...

– Несомненно, – спокойно произнес Воробьев. – А они дураки! Ничего не понимают.

Женщина в голубом сидела в той же позе и была, конечно, так прекрасна, что просто захватывало дух.

Потом я шел домой. Общественный транспорт уже не работал, а на такси у меня не было денег. Я шел, насвистывая от скуки какую-то дурацкую мелодию, и смотрел по сторонам. И видел темные силуэты деревьев с голыми изломанными ветвями, блестящий асфальт, в котором отражались уличные фонари, дома, громоздившиеся вокруг, как египетские пирамиды. Над всем этим было небо. Ветер, родившийся утром над Ледовитым океаном, промчался над Швецией и Норвегией, миновал Ленинград, завернул по пути в Вологду, заставив ее жителей понахлобучивать на головы шапки и к вечеру объявился в Москве. Он прогнал с ее небосвода тучи, весь день висевшие над городом, и сам скончался от этого последнего усилия. Над Москвой засветились звезды.

Я их видел собственными глазами. Яркие белые точки, они рассыпались в черной бездне, как будто кто-то неосторожно порвал нить с бусами. Теперь их уже не собрать, не нанизать на крепкую суровую нить, не надеть на шею любимой девушке.

Так и будут они вечно висеть над моей головой. Каждая из них как одинокий глаз тайфуна в штормовом океане. Мне стало грустно. Я вдруг представил себя стариком. Этаким согбенным седым стариканом с мутным слезящимся взглядом. Я сижу в зимнем лесу, опершись подбородком о шершавую ручку древней клюки, и снег лохматыми мокрыми хлопьями падает мне на лысину. Кругом темно и безлюдно. Я вспоминаю все, что было и собственная жизнь кажется мне хрустом сломанной ветки. Я вспоминаю сегодняшний вечер, и девушку по имени Катя, и ее отца – не помню, как звали, – и интересную даму, и мужчину, что жаловался на сына, который, пьет концентрированное молоко неразбавленным. Их всех давно нет в живых: ни дамы, ни мужчины. Нет Воробьева, нет Синицына... И женщина в голубом давно перестала выходить на связь с инопланетной цивилизацией. И мамы нет... И отца... Остались звезды. И осталась еще дурацкая мелодия, которую я насвистывал в тот далекий осенний вечер. Они все те же. И звезды и мелодия. Звезды – там, наверху, а мелодия?.. Вот она.

И старик, задрал голову и обратив иссохшее лицо к небу, засвистел что-то ужасно легкомысленное и до боли знакомое.